

СВЕТ СТОЛИЦЫ

литературно-
художественный
журнал

3 / 2018

2018

УДК 882
ББК 84(2Рос)

Учредитель:
ООО "ИПО "У Никитских ворот"

Издатель:
АНО "Редакция альманаха "Академия поэзии"

*Журнал издается при информационной
поддержке "Литературной газеты"*

Главный редактор:
Валерий Иванов

Руководитель проекта:
Екатерина Цыганкова

Шеф-редактор:
Ольга Шевчук

Корректор:
Любовь Ремова

Дизайн-макет:
Андрей Дирижаблев

Компьютерная верстка:
Андрей Кузнецов

*В оформлении обложки использована
фоторепродукция фотоэтюда, картины
Татьяны Трубниковой "Одуванчики".
Холст, масло.*

Адрес редакции:
*121069, Москва, ул. Большая
Никитская, 50а/5 стр. 1, к. 36.
Тел.: 8 (495) 690-50-72, 691-63-36
E-mail: acpoet@yandex.ru*

Тираж 1000 экз.

© Академия поэзии, 2018
© ИПО «У Никитских ворот», 2018
© Коллектив авторов, 2018

ТЕМА НОМЕРА:

«ДЕНЬ СЕМЬИ, ЛЮБВИ И ВЕРНОСТИ»

1

ПОЭЗИЯ

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВА

Тепло семьи

Семейное счастье

За осенним окном мне кивает осколочек лета:
Золотистый подсолнух склонился до самой земли.
Надо мною плывут поседевшие за ночь рассветы,
И тоскливо кричат, собираясь в полёт, журавли.

В отчем доме тепло – на столе самовар и баранки.
Скоро все соберутся, о прошлом начнут разговор.
Чай с кусочками яблок – собрали их мы спозаранку.
После ветреной ночи усеян был ими весь двор.

Сбор за круглым столом – сохранение русских традиций.
По душам разговоры, как чай, тихо льются рекой.
Счастье видеть родных и смотреть в их открытые лица,
Если в доме царят и уют, и любовь, и покой.

Александрова Юлия Геннадиевна – преподаватель английского языка, доцент Всероссийской академии внешней торговли. Поэт, прозаик, член МГО СПР с 2009 года. Печтается в газете «Московский литератор», журнале «Великороссь». Автор шести сборников лирических стихотворений и трёх сборников городских рассказов.

Поцелуйте детей

*Памяти погибших детей в торговом
центре города Кемерово*

Поцелуйте детей, обнимите покрепче
И шепните тихонько, как любите их.
Пусть холодный, но солнечный мартовский вечер
Тёплой пристанью станет для счастья двоих.

Расскажите о том, как прекрасны рассветы,
Как купается солнце в верхушках берёз,
Обещайте, что так долгожданное лето
Принесёт короба, но не полные слёз,

А подарит им море с атласным отливом,
Серебристые горы, холмов купола...
Обнимите детей. Они с вами и живы!
Пусть Господь защитит их от всякого зла.

Тепло семьи

Снимаю с сердца шелуху земных обид,
Что не со зла родные люди наносили.
Душа от ран и кровоточит, и болит.
Обиды близких часто нас лишают силы.

Но не ропщу я на судьбу. К чему роптать?
Тепло семьи... Что в жизни может быть дороже?
И принимая этот дар как Благодать,
Я становлюсь к себе внимательней и строже.

Ведь страх потерь известен мне, увы, давно.
Он, словно ржавчина, мне душу разъедает.
Прощу обиды, отворив добру окно,
И радость в дом ко мне вернётся белой стаей.

Вспоминаю детство...

Вспоминаю детство: старую рябину,
Под которой мама ставила меня
В серенькой коляске вечно без ботинок,
А в глазах бездонных искорки огня.

Вот большие плиты – папа клал их рядом,
Чтоб дорожки были сказочно-легки.
В год и два под зорким бабушкиным взглядом
Сделала на даче первые шаги.

Беззаботность детства: старые качели
Между двух деревьев папа привязал.
И когда качалась, яблони скрипели –
На коре у каждой из смолы слеза.

А за домом скрылась маленькая лужа.
Бегала по ней я вечно босиком,
Зная, что по жизни мне никто не нужен –
Только мама, папа, бабушка и дом.

Много лет промчалось, и давно нет близких,
Плиты истоптались, заросли травой.
Старые деревья? Их спилили низко,
Высохла и лужа – только дом живой.

И моей любви в нём так пылает сердце,
Знает каждый угол рук моих тепло.
Сохраняю дом я – островочек детства,
Чтобы ощущение счастья не прошло!

ГАЛИНА БЕЛЯКОВА

Первый шаг

Шагнул – окрепли ножки,
Ещё – увидел руки.
До них и осторожно
Дойти бы без натуги,
Вот так даётся первый шаг,
Вступить на путь серьёзный жизни!
Мерилом действий и желаний
С рожденья дан шаг человеку.
Тот первый шаг для испытаний
Судьбы, назначенный нам веком.
И первый шаг – он очень труден:
Принять решение разумно
В делах и спорах даже нужных,
Что не под силу тугодумам.
Так первый шаг – во всём мерило:
Сказать спасительно, Спасибо!
Сказать слова любви, что мило,
И в чувствах разума лишь было –
Что первый шаг неповторим!

Галина Александровна Белякова, 1940 года рождения, писатель, поэт, член Союза писателей России, Международной ассоциации писателей и Российского союза писателей, Союза писателей Республики Крым.

Издано 11 сборников стихов. Г. Белякова принимала участие во многих коллективных альманахах и творческих выставках (фотопейзажи, картины, деревянные поделки) в Москве, в Крыму с 2003 года и по настоящее время.

Цветы любви

В моём саду растут,
Цветут, не отцветают
Цветы любви.
И поросль счастливой
Взошла на радость жизни
Моей любви.
Мой сад, мой сад Творца,
И нет конца, не будет
Моей любви:
Пока живу, дышу,
Пока я созерцаю
Детей любви!

Повзрослела внучка

Повзрослела внучка быстро,
Мамой стала и она.
Разгорелись счастья искры,
До чего ж она нежна.
Мама нежно наклонилась,
Словно птица над гнездом.
Ангелочек не приснился,
Радует всем естеством.
Долгожданный и любимый
Сын на счастье всей семье.
Будут дни неповторимы,
Как явления Земли.
Материнство – это чудо
В женской доле непрстой.
Счастье – дети-незабудки
В нашей жизни вековой.

Внуку

Несмышлёный мой котёнок,
Ясноглазый ястребок,
Что ты хмуришься спросонок?
Подойди ко мне, дружок.
Ты прижмись ко мне, мой внучек,
Передай своё тепло.
Так с тобой нам будет лучше,
На душе, как днём, светло.
Взглянем мы в глаза друг другу,
Станет нам смешно, смешно,
И поймёшь мою ты думку,
Как нам вместе хорошо!
Сон расскажешь, что приснился,
И уйдёт печаль твоя.
Ты, наверно, удивишься?
Ты кровиночка моя.
Расскажу тебе я басню
«Стрекоза и муравей».
Расскажу тебе и сказку,
Что на свете всех милей.
Ты ко мне прижмись, мой милый,
И вниманьем обласкай.
Бабушке своей родимой
Свои чувства передай.

Почему на щёчках россыпь

Слёзок горьких, одиноких?
В ожидании вопросы
В одиночестве глубоком.
Не увидишь деток милых
За столом с собою рядом.
Слушать мамам не под силу
Телефонный звон изрядно.
Далеко, в стране далёкой

Проживают дети где-то.
А она одна при ёлке,
Новогоднюю, при этом.

Так кукушкою кукует,
Разбросав детей по свету,
А сама чуть существует
На родной земле от предка.

Едки деньги, деньги разом
Поменяли всё сознание,
Изменили облик, разум,
Чтоб понять, где наше счастье.

Чтоб сделать счастливым...

Чтоб сделать счастливым кого-то,
Не надо причин никаких.
Желанье совсем не от Бога,
Лишь в сердце и думах твоих.
Благие поступки пусть будут
Вершиной сознания – любить.
Сомнения и всякую смуту
В душе не держи для обид.
В душе не держи ты обиды,
Лишь сердце поранишь своё.
Смелее, открыто взгляни ты
В глаза той причине – и всё.
Чтоб сделать счастливым кого-то...
Не надо причин никаких.

ЕЛЕНА ВАСИЛЬКОВА

Как живёшь без меня?

Канул в Лету мой день нелегкий.
Ночь темна, ну а мне не спится...
Как живёшь без меня, далёкий?
Что тебе на рассвете снится?

Встало солнце над сонным садом,
Пробудились, запели птицы.
Как живёшь ты, моя отрада,
Без меня – твоей всецарицы?..

Упаси Бог, не упрекаю.
Не суди меня слишком строго.
Сердцем чую: ты неприкаян,
Камениста твоя дорога...

Знаю я: горек сок рябины.
Милый друг, это не случайно.
Как живёшь без меня, любимый?
Не поверю, что без печали...

Елена Василькова – член Союза писателей России, автор десяти книг, победитель конкурсов МГО СПР «Всё повторяю первый стих...» им. М. Цветаевой, «Академия. Детская литература», дипломант конкурса им. Р. Рождественского, победитель поэтического конкурса в рамках арт-фестиваля «Белое озеро. День доброй воли», автор и исполнитель собственных песен, создатель многих музыкально-поэтических композиций.

Доверьтесь мне

Скажите всё, что мучает, скажите...
Как вену, вскрыйте гнойный свой нарост...
Не бойтесь: душу вашу обнажите,
Уткнувшись лбом в атлас моих волос...

Я знаю, встреча наша не случайна,
Как не случайны ветер и заря.
Душа всегда любви и ласки чаёт,
Но лишь молчит, о том не говоря.

Пусть будет всё нелепо и наивно –
Угодно так открывшейся душе,
В которой зреет бурный слёзный ливень...
Смотрите: он обрушился уже!

Поверьте: после будет облегченье –
Я это знаю точно, по себе.
Любовь – она отнюдь не развлеченье,
Она и боль, и яркий свет в судьбе...

Не свела нас судьба

Мчится время неостановимое –
Ничего с ним, мой друг, не поделаешь...
Где ты, юность, святая, наивная?
Где то золото чувств неподдельное?..

Не свела нас Судьба торопливая –
Не посмели довериться чувствам мы...
Отчего же порой так тоскливо мне?
Отчего у тебя глаза грустные?..

Одиночество – вещь нестерпимая.
Сыты им – да по горлышко – мы с тобой...
Но всё шепчешь ты взглядом: «Любимая...»
Отвечаю глазами: «Любимый мой...»

Не целуйте нелюбимых

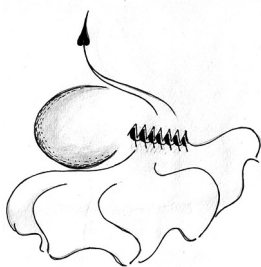
Не целуйте, не целуйте нелюбимых...
Ни чужой, ни свой не «заедайте» век.
Даже если жизнь жестоко вас побила,
Свято помните: вы – сильный человек!

Не к лицу вам будут слезы и унынье.
Если им поддаться – можно и пропасть.
А Любовь – она от века и доныне –
Для души – ВЕЛИКОЛЕПНАЯ НАПАСТЬ!

Лишь Любовь отрет слезу с лица и скажет:
«Успокойся...Я с тобой...Все хорошо...»
И Судьбой одной двоих она повяжет,
Понимая, как к ней долго каждый шел.

Не целуйте, не целуйте нелюбимых...
Не берите на себя подобный грех.
И не делайте несчастными счастливых
Ради выгоды и мелочных утех.

21 августа 2018 г.

ЮРИЙ ГЕНЧ

Я

Я – дуновенье ветра, плеск волны,
Я – шорох листьев на рассвете,
Я – капля в море, миг бесконечности,
А вы?..

Я – гром прибоя,
 молния во тьме,
Я – антипод покоя,
Я – пятна на сверкающей луне,
Я – дух цунами,
 око смерча.

Я – брошенное небесами
Проклятье человечье.
Я – ледящий душу страх,
Я размечу тебя, как прах!

ЮЛИЯ ГИАЦИНТОВА

Завет

Ни на кого не обижаться,
Смотреть в окно, крыжовник грызть,
Как будто бы тебе семнадцать
И впереди ещё вся жизнь!
Мечтать – конечно, о великом
И замуж – только по любви,
Ведь за окном такие липы,
Такое лето – посмотри!
Пусть даже влипла ты конкретно
За свет, квартиру, интернет,
Попробуй выйти незаметно
На улицу, которой нет.
Там, в отраженье лужи свежей,
Увидь себя и загадай:
Быть вечно нежной, как и прежде,
И переменчивой, как май...

Родилась и выросла в Москве, в семье врачей. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького, семинар О. Николаевой (ранее – Е. Рейна). Публиковалась в журналах «Юность», «Нева», альманахе «День поэзии». Автор поэтических книг «Оберег» («Художественная литература», 2013) и «В поле птица» («Филинь», 2018).

Любимые поэты – Николай Рубцов, Борис Рыжий.

* * *

Что такое родина – не знаем,
Словно совесть, мы её теряем,
А когда прихватит, вдруг находим,
И она уже родная вроде.

И накормит, и согреет в стужу,
Верную сослужит службу,
Ну а мы – на кой нам лишний груз-то? –
Выбросим отеческое чувство!

И с пустым, как сердце, чемоданом
Понесёмся по далеким странам.
Будут нам огни светить повсюду,
Кланяться и улыбаться будут!

Но возникнет вдруг из ниоткуда
Старая, безмолвная запруда,
Всколыхнётся в памяти вода
И потащишь полны невода...

Будет в них барахтаться и биться
То, что так легко могло забыться,
То, что потерялось безвозвратно,
То, что всей душой хотим обратно.

* * *

Брату

Но фотография жива...
На ней светло, на ней застолье,
И счастье самое простое –
В костре, занявшемся едва,
В шипенье чайника, в ежах,
Пришедших на обед к нам в гости,
В беседе тихой, в пьяном тосте,
В шмелях, что над столом жужжат,
В гитарном трепете струны,
В весёлых, добродушных лицах,
В том, что вовек не повторится,
Как бы ни требовали мы.

ГРИГОРИЙ ЖУРАВЛЁВ

Бесконечно

Посвящение Анастасии В. А.

Инстаграм отключили, такая беда.
Я ловлю себя на мысли:
Без него не могу.
Нет её,
Чьи страницы листаю
Вечером.
Нет её.
Той, которой рад и счастлив
Оттого, что
Там она.
Она тут,
За рулём.
В самолёте.
Среди зимних просторов страны.
На природе.
Лиса смотрит зло.
Там, где, бани.
Италия.

Григорий Журавлёв живёт в Москве. Член Московской городской организации Союза писателей России. Размышления автора о поэзии: «Поэзия – это такой адреналин. Может быть, песня, белостишьё, несколько ярких строчек на всю жизнь, как афоризм».

Где-то протекает река, и улыбку её не увижу
На фото.
Вдруг это всё завершилось.
Я не увижу
Её в узком колодце двора.
Может, там, где борщ пролила
Или с бокалом вина поедает клубнику.
Всегда
Идеально белое с синим.
Мне в ответ инстаграм застонал:
Идеального нет.
Она.
Что же дальше...
Финляндия.
Греческий профиль.
Жара.
Она в красном на острове Крит.
День Десятый, июльского. Летом
В драных джинсах, по моде...
Ну так хороша –
Не могу оторваться.
Корабли. Корабли.
Попугаи.
Вокзалы.
Любит она на дорогах сидеть.
А потом
Улетала.
У Дали побывала.
Инстаграма не стало. Ах да,
Было про шум моря волос.
Были грибы. Букеты, букеты.
Начиналось новое лето
И в горшочках живые цветы.

* * *

Катастрофа-душа наизнанку от боли,
Разметало кусками по обочине чувств,

На дороге ремень разлетается в клочья
И в консервную банку авто.

Что я, где я – аварийное пекло,
Все горело, сгорело, дотла пепеля
Части сердце, моё, надо мною летели.
Я рукою хватаю её.

Только видел, два ангела, на обочине сидя,
Что-то шептали, меня обсуждали –
Сердце моё, видимо.

* * *

Знали – не знали, только стихами спасали.
Спасли.
Над головой потолок белый-белый,
Белое облако,
Куда еще рано.
Это была клиника.
Живой. Не понимаю изредка,
Кто я такой.
То тихо, то гулко,
Не разберу,
То ли мотор, то ли в Крыму.
Я лежу, не чуя земли,
Я живой уже очевидно.
Или мне кажется изнутри, что живой,
Руки, ноги вывернуты.
Моя голова
По частям или вместе – как в Анапе жара.
Даже не важно.
Где-то шепчут:
Любовь не ушла,
Не прошла.
Не улеглись в душе страсти эмоций.
Адреналин в крови страшен.

И придумал себе
Этот образ для вдохновения.
Ехал в мыслях, не зная,
Что уже столкновение.
А потом, что потом?
Сожаление.
Нет тебя, нет авто, нет души,
Только сердце,
Что случайно поймал, когда улетало.
Вера моя – откровение.
Будет вера моя – будет время.
Собирал я себя, вылезал из авто,
Белых стен небеса
И дорог полоса
Этой жизни.
Ангел
Надо мною летал –
Чудеса, чудеса...
А душа вдруг вздохнула сама,
Я очнулся.
Где греческий профиль –
Она.
И откуда-то свыше:
Ты совсем тру-ля-ля,
Ты только что выжил.
И откуда-то свыше
Еле слышно,
А звонить-то пора
И не надо ля-ля.
Но наступила пауза.
Всё.
Груз двести.
Потом родился,
За окном снег кружился
Зима.
Метели за окном на вдохе...

* * *

Опять закроют корабли
Антракта занавес закатный,
И обрываются следы,
И на асфальте крови пятна

Осколки стёкол и надежд,
Что не успел и не успеешь.
Ещё мгновение,
О чем уже сказать не смеешь.

Страницы вычеркнуты вмиг,
Раздался чей-то нервный крик,
И голоса лились как рок,
Когда сдержать себя не смог.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВА

Венецианской поэтессе

и всем женщинам посвящаяю

Твой дух высок, и ты прелестна –
Страшнее смеси не найти.
И с багажом таким, хоть лестно,
Легко по жизни не пройти.

Всяк похотливый «глаз положит»,
Тобою брошенное – «нет» -
Молва на тыщу лет помножит,
Перевернувши твой ответ.

Не дай бог быть ещё с талантом,
Тогда беды не миновать.
Пожалуй, в пору быть Атлантом,
Чтоб осужденья удержать.

Наталья Иванова – композитор, автор-исполнитель, поэт, художник и профессиональный психолог. Член Союза концертных деятелей, член Союза писателей Санкт-Петербурга. Наталья Иванова выпустила десять музыкальных альбомов своих песен в авторском исполнении. Мы знаем и любим такие её песни как – «Давай соберёмся», «Опять на дачу», «Я так хочу в твои объятия», «Добрые люди», «Молитва мамы», «Церквушка русская моя», «Мой ангел» и многие другие.

Никто из черни не поверит,
Что, лик имея золотой,
Не продаёшь за каждой дверью
«Товар» бесценный, дорогой.

А тот, кто властью обладает,
Тем более захочет знать,
Какие прелести скрывает
Твоя волнующая статья.?

И бьётся бедное сердечко,
Любимому не доказать,
Что лучше уж с моста да в речку,
Чем честь за деньги отдавать.

Но мир жесток и очень скверен,
Не хочешь соблюдать «закон»,
Захлопнет пред успехом двери –
И будешь верить: – правый он.

И всё ж, кто над любовью дышит,
Пусть кровь стучится вам в висок.
Кто честь имеет – пусть услышит.
Есть Красота и Дух высок!

Варшава, 08.02.1994

Я родилась 22-го

Я родилась двадцать второго,
Когда Господь сказал: «Пора».
Мои таланты – дар от Бога,
Как искры Божьего костра.

Не растерять их – вот задача,
Подарки дважды не дают.
Жить на земле – уже удача.
И Ангелы мне песнь поют!

17.04.2004

Мозаика любви

Из пёстрых лоскутков сошью
Себе не только одеяло.
Из лоскуточков сотворю
Мечты свои и идеалы.

Чтоб не распалась жизнь моя,
Из лоскутков событий бурных
Сошью судьбу, в ней сохраняя,
Надежд сгоревших, с прахом урну.

И лишь мозаика любви
Мне не подвластна. И напрасно
Хочу её восстановить,
Но тщетно это и опасно.

01.02.2006

Палантин

Багровый вокруг деревьев палантин уложен,
Земля затихла до весны.
Мы разгадать, увы, не сможем,
Какие ей приснятся сны.

Она тихонечко вздыхает,
Наверно, снятся ей цветы.
А я гляжу, как облетают
С ветвей последние листья.

И в небе облако растает,
Не долетевши до краёв,
Но на висках снег всё не тает,
Он щедрый дар годов.

23.10.1994

Когда нам только двадцать лет

Когда нам только двадцать лет,
Нам ясно всё, сомнений нет.
Подвластны нам законы мира,
Науки слог и музы лира.
Пред нами горизонтов даль –
Не одолеет нас печаль.
Сердца наполнены восторгом,
В морали не уместны торги.
Любовь – главнее чувства нет,
Когда всего нам двадцать лет!

20.02.2007

Не хочешь верить

Не хочешь верить, но тебе
Уже не двадцать.
Вот и морщинки на челе,
И нет той грации.
В душе пожар любви разжечь
С годами трудно.
И стала медленной речь,
И жить так нудно.

Весенний день, что был так свеж,
Теперь прохладен.
Весёлый цирковой манеж
Лишь чуть забавен.
И взрыв страстей опасен нам
Уже с годами.
Лишь нежность – для души бальзам –
Пребудет с нами!

21.02.2007

Не терпит пустоты природа

Не терпит пустоты природа –
Весь мир заполнит Благодать.
И так же человек от рода
Получит всё, чтобы отдать.

Себе ни капли не оставит,
Увидев финиша черту.
И Бога, и природу славит,
Заполнив сердцем пустоту.

03.06.2009

Венец

Зажгу лампадку у иконки,
Светлей чтоб стало на душе.
Припомню жизни бурной гонки,
Мне не доступные уже.

Пред Богом душу я раскрою,
Не часто праведной была.
Талант последний не зарюю,
В котором счастье обрела.

Талант любви и людям веры,
Талант служить им до конца.
Не зная в том таланте меры,
Вплоть до тернового венца.

04.12.2004

АЛЕКСЕЙ КЛОКОВ

* * *

Брак, как любое чудо,
Требует простоты,
Света из ниоткуда,
Праздничной чистоты,

Странности превращенья
(Мы ведь – не я плюс ты),
В сплаве соединенья,
Так – никакой черты.

Медленно – до кипенья,
Сразу же – остывать.
К силе: просить прощенья –
Слабость: всегда прощать.

* * *

Брак, как и всё на свете,
Держится на добре.
Вспомни о Магомете,
Как он ходил к горе.

Та на своём стояла,
Как он ни звал, не шла.
Но и не убегала.
Значит, к себе ждала.

~~~~~

Алексей Клоков родился в Костроме. Детство прошло в городе Данкове Липецкой области. Окончил Воронежский университет. В настоящее время живёт в Москве. По образованию историк и преподаватель английского и финского языков.

МАРИЯ МАХОНИНА

Страна воспоминаний

*Из цикла стихотворений-иллюстраций
к спектаклю «Синяя птица»*

За дальними полями,
Не каждому видна,
Лежит воспоминаний
Прекрасная страна.
Оранжевая белка
Мелькнёт среди ветвей,
И указатель-стрелка
Ведёт туда детей.
А у тропинки рядом
Стоит опрятный дом
С калиткою, и садом,
И розовым кустом.
Лиловый дрозд-капризник
Во сне глотает мух,
И дедушка, как в жизни,
Сквозь сон вздыхает вслух.
Спит бабушка. Не спустит
Вязания с колен.
Здесь не бывает грусти
И нету перемен.

Махонина Мария Николаевна — автор двух сборников стихотворений, кандидат филологических наук, завуч Школы во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

Тут никогда не станут
Страдать от суеты.
Тут никогда не вянут
Вчерашние цветы.
И наравне со всеми
Под кухонным столом
Тихонько дремлет Время,
Свернувшись клубком.

* * *

А дождь прошёл, как тёплый душ.
И солнце пляшет в лужах.
И кошки бродят среди луж,
По моде приутожась.
А плюшевая кошка
Глядит на них в окошко:
Ей завидно немножко.

Женское

В тумане вянет солнечная трель,
И белый город странно занедужил
Под праздник Иверской. И резкая метель
Приносит мысль о расставанье с мужем.
Ты все грехи своими назови.
Как ласковы раскаявшихся души!
Но ведь от нас не требуют любви,
И сказано: «Да убоится мужа».
Ужели женщинам спасенье страх,
Отвеивавший многие потери?
И сохраняют дымящийся очаг
В сырую полночь запертые двери?
Ужели Евина земная кровь
Так направляет наших душ приливы?
Не оттого ли женская любовь
Порой капризна и самолюбива

И попросту безумна? И её
Опасно признавать за добродетель?
Но имя дважды горькое моё
Цветёт на рубеже тысячелетий.
В той белизне не много ли корост?
И разве мало на сердце отметин?
Твой взгляд в слезах – сверканье мокрых роз.
И мне достанет силы не ответить.

Интеллекции

Мы – русская интеллигенция.

Проф. Е.И. Диброва

Под своды культуры ты спешишь
Укрыться в недобрый час.
Открытые новые рубежи,
Крутого времени виражи
Давно уже не для нас.

Среди телеигр и новых орд,
Иномарок, траурных лент
Ты не вплетаешь свой голос в хор,
Ты снова своим сознанием горд,
Русский интеллигент.

Средь ценностей, к коим склонен мир,
Останешься зол и нищ.
И культуры сомнительный кумир
Охраняет покой и хрупкий мир
Убогих книжных жилищ.

Ценитель слова, ты к слову зол.
Не зная тайны в словах,
Идёшь к тому, от чего ушёл,
И слова ворохами мертвых пчёл
Оседают в пустых углах.

А иные в политику подались
Свои поправить дела.
И свёл услужливый компромисс
В обилье событий, дел и лиц
Границы добра и зла.

Сомненья не в силах побороть,
У церковных встанешь дверей.
Бездержье душ терзает плоть,
И смотрит неузнанный Господь
На блудных своих детей.

* * *

*Какие прекрасные лица.
И как безнадежно бледны.*

Г. Иванов

В особняки, где ныне
Ряд учреждений важных,
На чайный свет гостиных
Съезжались экипажи.

И парковых растений
Развесистые кроны
Скрывали чьи-то тени
На кружевных балконах.

Текли в июльский вечер
Из окон растворённых
Восторженные речи
Поэтов и влюблённых.

В полуночной беседе
Идей новейших слепок -
Впоследствии наследье
Серебряного века.

Отпировали. Спели.
Ушли, захлопнув двери, -
Оставя нам похмелье
Да смутную потерю.

Гулял военный ветер
По вымершей столице.
Остались на портрете
С каймою чёрной лица.

... Отбыли срок немалый
Опальные поэты.
Усилиями журналов
Извлечены из Леты.

А строгии старушки
Свой профиль суховатый
Являют на Калужской,
Проносят по Арбату,

Где, очертаньем тонким
Бросая веку вызов,
Стоят в коммиссионках
Старинные сервизы.

Остров

В этом месте все земные
Обрываются законы.
В этом месте бесы держат
Круговую оборону.

Здесь все выходы и входы
К темным тайнам мирозданья.
Воздух затемнённых комнат
С плачущими образами.

А молитвенное пенье -
Сердца скорбного отрада -
Упасает всё творенье
От дыханья бездны ада.

Дух безбожных поколений
Над скупыми временами.
И приходят люди-тени,
Утомлённые грехами.

В злых столицах занедужив
От скорбей и скудной пищи,
Вспоминают птицы-души
О надоблачном жилище.

Над российскими стезями
Только горестные вздохи.
И в самом названье «Залит»
Тень зловещая эпохи.

Неоконченная битва
После смертного порога...
И приходит Царь убитый
От небесного чертога.

А в земных путях и бедах
Не спасешься от злоречья.
Бесы празднуют победу
В бедном сердце человечьем?

Но опять плывём из мрака
(И незрячий снова зоркий)
В озеро под чёрным знаком
Перевернутой восьмёрки.

ВЛАДИМИР МОРОЗОВ

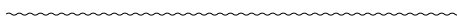
* * *

Пусть говорят, нет в мире колдовства,
А чудеса остались только в сказках,
И что пуста природа естества,
И что весь мир живёт в притворных масках.

Но не забыть мне те былые дни,
Когда звучала музыка иная,
Мир наполняли яркие огни,
И он казался чем-то вроде рая.

Морозных дней неистовая плеть
Напрасно бьёт израненную душу.
Ей никогда картину не стереть,
Где океан волной ласкает сушу.

Туда летят мои мечты, вспорхнув.
Они чисты, наивны и красивы.
А музыканты, скрипками всплакнув,
Опять играют прежние мотивы.

Владимир Морозов серьёзно начал писать (проза и поэзия) с осени 1998 года. Лауреат и победитель литературных фестивалей и конкурсов.

Пусть наших песен грешные слова
Опять ведут к основам мирозданья.
Пусть радостью кружится голова
И замирают время и дыханье.

Угаснет боль глубоких старых ран,
Наполнят душу искренность и нежность.
Я пронесу их через океан
И упаду в Тебя как в неизбежность.

28.01.2010

Прощальное № 1

*Улетай!
Этот город уже обречён,
Все гуляют, и никто ни при чём.*
А.В. Макаревич

Не дожидаться мне здесь ни второго, ни третьего
И безумие стен не изжить головой.
Лучше я налегке доберусь в Шереметьево,
По пути попрощавшись с безумной Москвой.

Я познал здесь свой кнут и отпробовал пряника,
Жил в плену у своих многочисленных грёз.
Время гонит меня, как безумного странника,
Из страны вечно плачущих ив и берёз.

Неизбежность грядущего схода с дистанции
Подгоняет сильнее, чем свора собак,
И зовёт меня в путь та далёкая станция,
Где останется друг и отвяжется враг.

Может, в горном краю мне вернут одиночество,
Может, примут обратно в тропический рай.
Пусть останутся в прошлом былые пророчества,
Только ты иногда погостить прилетай.

08.05.2009

* * *

Мой добрый космос! Как тебя я ждал!
Как плыл впотьмах в полёте каботажном.
Как низко я до этого летал,
Как будто в самолётике бумажном.

Как мелочна вся жизненная суть!
Беспочвенны страдания и страхи.
Мой милый космос, пусть былая муть
Стечёт, как кровь с давно уставшей плахи.

Пусть не совсем растаял старый лёд
И дым на космодроме не улёгся,
Прими, мой славный космос, звездолёт,
Что мчит к тебе сквозь мглу и парадоксы.

Пусть дальше круговертью бытия
Шагает жизнь дорогой ойкуменной.
Мой вечный космос, только ты и я
Нужны друг другу вопреки Вселенной.

08.07.2018

ИЛЬЯ МУРОМСКИЙ

Ты

Когда тебя увидел я,
Зажёгся свет внутри меня
И закипела в жилах кровь,
И понял я без лишних слов:
Пришла ко мне она – Любовь!

Твой милый смех, сиянье глаз
Меня волнуют каждый раз!
Твоя походка, взгляд, причёска
Обыкновенная, без лоска,
На плечи падая неброско,
Смущают сердце. Нежный взгляд
Готов ловить и очень рад
Твоей улыбке от души...
Ты улыбнуться поспеши
И глаз сиянье не туши!

Муромский (Ермолкин) Илья Олегович. Родился в Москве в 2001 году. Выпускник Православной гимназии во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова. С 12 лет занимается художественным переводом с английского языка. Лауреат Патриаршего литературного конкурса «Лето Господне» (2015), обладатель Гран-при перевода в конкурсе Библиотеки иностранной литературы, многократный победитель и призёр литературных конкурсов в номинациях «Творчество» и «Живое слово». В 2016 году вышла книга «Дивный сад» в серии «Первая книга гимназиста». Студент МГУ.

Когда тебя увидел я,
 Зажёгся свет внутри меня!
 И этот свет так дорог мне,
 Как звон капли по весне,
 Как тихий вечер на войне,
 Как путнику воды глоток,
 Который он в пути сберёг...

Пусть свет внутри меня горит
 И о любви мне говорит.
 Душа от счастья воспарит!

Признание

(Из цикла «Сюита» по «Повестям Белкина» А.С. Пушкина)

*Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным,
 ни сокровенного, что не сделалось бы известным
 и не обнаружилось бы.*

Евангелие от Луки, гл. 8, стих. 17

*...Но мне ещё остается исполнить тяжелую
 обязанность, открыть вам ужасную тайну.*

А.С. Пушкин «Метель»

Поразила красотой
 И свела меня с ума!
 Я любви твоей не стою,
 Знаешь это ты сама.

Красота твоя нетленна,
 Не сравню ни с кем, любя:
 Ты прекрасна, ты блаженна,
 Я люблю, люблю тебя!

Но метельно-белый ветер
 Закружил судьбу мою:
 Я несчастней всех на свете,
 Лучше б я погиб в бою!..

Жизнь моя была игрушкой,
И наказан я сполна:
Там, в заснеженной церквушке,
Клятва верности дана

Для забавы, шутки ради,
Но... Господь соединил!
Что в твоём любимом взгляде?
Он меня не обвинил?

Почему мне так тревожно?
Слёз душа моя полна!
Быть не может, невозможно:
Ты – она, моя жена?!

Про любовь

Любовь меняет всех людей,
Хороший ты или злодей.
Трудягой станет разгильдяй,
Героем – бывший негодяй.

И так бывает горяча,
Что сердце тает, как свеча!
Пока живу, пока дышу,
Я Бога об одном прошу:

Тот чудный дар, что Ты мне дал,
Чтоб никогда не пропадал!
Да будет так из века в век –
Живёт любовью человек!

МАРИЯ ПАРАМОНОВА

Млечный Путь

Галактика – от слова «молоко»,
В ней капельки божественного света.
В бескрайности Вселенной так легко
Найти вопрос и не найти ответа.

Веленьем ночи мир ложится спать.
Огни людские гаснут постепенно,
Тогда с небес нисходит благодать,
Питая Землю молоком Вселенной.

В блаженной неге я склоняю грудь
К молящим губкам моего владыки,
И каждый атом мой, как Млечный Путь,
Сияет этим счастьем великим.

Мария Парамонова – автор трёх книг стихов, лауреат литературных конкурсов. Член Союза писателей России, заместитель председателя правления Смоленской областной организации. Её стихи публиковались в журналах и альманахах «Академия поэзии», «Российский колокол», «Невский альманах», «У Никитских ворот», «Сторона родная», в «Литературной газете». Творческую и трудовую деятельность ведёт в Москве, Смоленске, Твери.

Капля-солнышко

Дождь прошёл. Тугие капли
Редко падают в траву.
Диво дивное, не так ли –
В каплях солнышки живут!

И закрыв рукою глазки
От лучей, что небо льёт,
Спит под сливою в коляске
Капля – солнышко моё!

Счастье

Едва колышутся травинки,
Рождённые землёй весенней.
Раскаты грома над тропинкой –
И вмиг закончилось веселье.

Бежит ко мне, готовый плакать,
Травы неподвижность нарушая,
Мой милый маленький бояка,
Моя привязанность большая.

Земное счастье материнства:
Минуты эти, как ромашки,
В букете солнечном и чистом,
В ожившем сердце нараспашку.

Пошуршали!

Пёстрой осенью красиво:
Лист берёзы, лист осины.
По кленовой яркой шали
Пошуршали! Пошуршали!

Гербарий

Люблю цветы и травы собирать,
Дивясь объятиям вьюнка и мари.
Как с папой в детстве – тонкую тетрадь
Растениями заполнял гербарий.

Вот подорожник – скромный ориентир,
И каждый лист как отпечаток пальца
Руки божественной, создавшей этот мир,
В котором все мы только постояльцы.

Купальница – лишь тень своей красоты,
Иван-да-марья сохнут друг по другу,
Манжетка в бархате, где капелька росы
Встречала утро. Где оно, то утро...

Цветы и травы я не рву сейчас.
Но дайте волю мне – могу часами
Гербарий собирать восторгом глаз
И складывать в тетрадку с чудесами.

Доброта

Мой сынок, стань счастливым, пожалуйста,
Это значит – будь добрым, малец.
Доброта, как волшебная палочка,
Открывает ворота сердец.

Мой сынок, стань счастливым, пожалуйста,
И люби, как ты мною любим.
Доброта – эстафетная палочка,
Передай её детям своим!

ОЛЬГА ПСКОВИТЯНКА

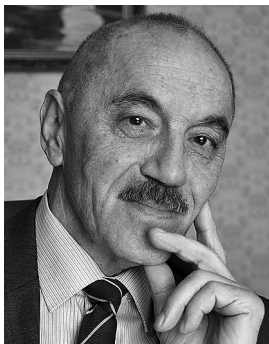
Смиранный муж (Смиранный жена)

(Нужное подчеркнуть)

Однажды некий добрый муж, проснувшись утром рано,
Сказал за завтраком жене: «Уже цветут каштаны!
На виноградник нужно мне, ведь дел в саду немало!»
На это мудрая жена с улыбкой отвечала:
«Конечно, милый, хоть сейчас отправишься в дорогу,
Но только если этот путь УГОДЕН будет БОГУ!»
«Угодно Богу или нет, – заметил муж с досадой, –
Но виноград не будет ждать, идти туда мне надо!»
Мотыгу вскинув на плечо, насвистывая что-то,
В свой виноградник он пошёл, его ждала работа!
Внезапно ливень налетел, и, вымокнув до нитки,
Уже глубокой ночью он открыл засов калитки.
«Кто там?» – окликнула жена, а дождь хлестал по лужам,
Она стояла на крыльце, высматривая мужа.
«Хвала Всевышнему! – сказал он, слёзы утирая, –
Открыта Богом в трудный час мне истина простая!
Теперь я знаю, что сказать тебе, жена моя!
УГОДЕН БОГУ мой приход – так, значит, это я!»

Псковитянка (Ермолкина) Ольга Вячеславовна. Родилась в г. Москве. Преподаёт в вузе и православной гимназии. В 2002 году вышла первая книга «Пою Богу моему» – сборник стихов на религиозные темы. Готовится к изданию вторая книга, «Вертоград», в издательстве «Гимназия».

ХИЗИР ТАХТАМЫШЕВ

* * *

Рождение, смерть – на плитах даты,
Меж ними чёточки стоят.
Одним, как след, что жил когда-то,
Другим лишь прочерк между дат.

* * *

Достоин тот слугой добра назваться,
Кто за него готов отважно драться:
Не величай себя поборником добра,
Когда творишь его лишь росчерком пера.

* * *

Когда в беде просил я «Помоги!»,
Иные вдруг меня не узнавали.
Приветствую я вас, мои враги,
С друзей притворных маски вы сорвали!

* * *

Не хвастай реестром снесённых голов,
За каждой из них чей-то слышится плач.

Тахтамышев Хизир Махмудович – доктор технических наук, профессор, член Союза писателей РФ, финалист национальной премии «Поэт года – 2017» и конкурса «Славянское слово – 2017».

С 1995 года издал шесть поэтических сборников стихов-миниатюр, печатается во всероссийской и республиканской прессе.

Коль сам невре́димый разишь ты врагов,
Не воин уже, а всего лишь палач.

* * *

Как слава и власть высоко возносили!
До небес оставался единственный шаг.
Никому этот шаг совершить не под силу,
Все под землю уходят: и нищий, и шах.

* * *

В беде для ближнего ты пальцем не рискнул,
Бездушно следуя по ниточке закона.
Мизинцем кто-то вновь не шевельнул,
И сам, безвинный, катишься по склону.

* * *

Живём в кругу немилых нам вещей,
Ленясь сменить единождым порывом.
Живём в кругу неправедных людей,
Смущаясь сцены полного разрыва.

* * *

Без радости, без боли, без печали
Ты жизнь прожил, покорную судьбе.
Не били, не любили, не качали,
Не вылупившись, умер в скорлупе.

* * *

Предатель мне в слезах доверил тайну,
Не выдавать его я обещал.
Теперь я раб, пленённый словом данным,
Хранитель верный низменных начал.

* * *

Напрасна цель себя увековечить,
Оставшись в доброй памяти людей.
Увы, их жизнь земная скоротечна,
Уйдут они и память вместе с ней.

ИВАН ТИМЧЕНКО

Русские женщины

Н.В. Поповой

Не найти во всем белом свете
Женщин краше, чем в светлой Руси!
Матерей русских славные дети
Стали праведной силой Земли!

Нет желаннее русских женщин,
И любви, и души их родной –
Бог ведь тоже и сам был венчан
С русской Ладой далёкой весной!

Глаза любимой

В.П. Тимченко

Я промолчу перед любимой
О нежных чувствах, мире грёз,
Но без неё, родной и милой,
Земную б жизнь не перенёс.

Тимченко Иван Иванович, поэт, публицист, член МГО Союза писателей России, автор публикаций в отечественной и зарубежной печати. Родился 15 августа 1941 года в междуречье Волги и Дона под Сталинградом. Живёт в Москве.

Не вынес бы тоски, печали,
Попавши в жизни жернова,
О чём не ведал я вначале
И что изведаль я сполна.

Но помню, помню рожь густую,
Степную даль и васильки,
И нежность, юность золотую
И теплоту её руки.
И с той поры по жизни полю,
От отчей дальней стороны,
Её судьба с моей судьбою
Кольцом дорог обручены.
Проходят годы, дни и ночи,
Но как тогда, в родном краю,
Глаза любимой мироточат,
А я её – боготворю!

День рождения

Бабым летом листья спелые опадают на покой,
Дремлет кошечкой сторонюшка, принакрывшись тишиной.
Сам, притихший от волнения и у памяти в долгу,
Вновь справляю день рождения своей мамы как могу.

На сегодня угощение поклевали воробы,
Растащили крохи хлебные по кладбищу муравьи –
Мои гости здесь хозяева, я же, блудный херувим,
Позабыл про обещание: крест дубовый не срубил.

Бросил веточку кленовую на могильный бугорок
Да вином запил тошнѳхонький в горле сбившийся комок.
Песню горькую беззвучную долго мучил на губах
Да поплѳлся в радость шумную через пустошь во репьях.

А навстречу мне бедовые молодые парни шли,
Странились бабки квѳлые: «Супостата пронеси!»

И вослед летел язвительный, просолённый шепоток:
Вот, мол, мать твою, разэтакий, разгулялся мужичок.

Отец

Стояло лето тёплое в степи,
А степь горчила воздухом Победы,
Великой, тяжкой, жертвенной войны,
Травую сокрывая о ней веды.
Но радость уже хлынула в дома –
Шагали с фронта русские мужчины,
Звенели на груди их ордена
И украшали головы седины.
Отец с войны, где порохом пропах,
Впервые в жизни мне тогда явился,
И с тёплой солью на его губах
Мне свет любви отеческой открылся!
А в смертный час, на гибельном краю,
Отец поверил душу свою Богу,
И Боже руку протянул ему,
Открыв врата в Небесные Чертоги...
Отец родной и брат мой во Христе
В последний миг прощальной нашей встречи
Поведал мне о новой высоте,
Где Божий свет пронзителен и вечен!
Я эти встречи в памяти храню
И словно слышу, заглушив тревогу,
Как надо жить и отойти к Нему,
И в жизни проторить свою дорогу.

ЛИДИЯ ФАХРЕТДИНОВА

***

Окружай себя любовью
Самой трепетной и нежной.
И не верь, что невозможно
Изменить судьбу надеждой.
Полюбить сей мир непросто
Со грехами и страданием.
От рожденья до погоста
Пусть любовь пребудет с нами.

***

О, случайные мысли!
О, случайные встречи!..
«О, какая наивность!» –
Бог смеялся весь вечер.
Неслучайные встречи –
Это промысел Божий?
Мы порою беспечно
Бога просьбой тревожим.
Только просим и просим,
А спасибо – забудем.
В этом мире мы гости,
Не случайные люди.

***

Вернулось солнце к рощам и полянам,
И тонкий пар клубится над рекой.
С улыбкой утро смотрит в мир тумана,
В природе сохранив свой царственный
покой.

Ночь уступила свету благородно,
Избавив мир от тысячи теней.
Ночь отступила – Богу так угодно,
И день бежит, роняя свет, за ней.

2017

Фахретдинова Лидия Александровна. Поэт. Член МГО Союза писателей России. Автор семи поэтических сборников. Член редакционного совета альманаха «Москва Поэтическая» МГО Союза писателей России. Учитель русского языка и литературы по профессии, более тридцати лет трудится в сфере образования. Почётный работник общего образования РФ.

ЛЕВ ЧИСТЯКОВ

Мы разговаривали молча...

*...Коль скажем: «Любим» – мы солжём,
Коль скажем: «Нет» – жизнь станет адом...*

К. Бальмонт

Мы разговаривали молча,
Но и тогда я не был груб.
И сердце становилось зорче,
Когда снимало звуки с губ.

Ему понять намного легче,
Что у тебя в душе разброд,
И почему дрожали плечи,
И искривлён гримасой рот;

Все то, о чём молчим мы снова,
Молчим давно, не первый год,
Но, может, это та основа,
Что по углам не разведёт,

Лев Константинович Чистяков — член Союза писателей России, русский поэт, автор нескольких книг поэзии, в том числе «Душа в осени», «От восторга до испуга», «На полпути от любви», публикаций в газетах и журналах, таких как «Поэзия», «Московский Парнас», в альманахе «Академия поэзии» и др. Награждён грамотами Союза писателей России, медалями, в частности дипломом и медалью «М.Ю. Лермонтов», литературной премией им. А.С. Грибоедова. Живёт в г. Москве.

Что нас удерживает вместе,
Ни в чём уже не торопя...
Нет ни любви, ни зла, ни лести –
Есть нечто большее – семья.

Отчего ты опять разозлилась?

Отчего ты опять разозлилась?
И сегодня я снова немил...
С каждым разом сдаваться на милость
Все трудней из-за тающих сил.

Только знаю – уже не разрубишь
Эту связь, как сосуд кровяной,
Если утром меня ещё любишь,
А вдруг вечером ты не со мной.

С каждым разом мучительней ссора,
Восстановленный мир всё грустней...
День за днём – как огни светофора,
Словно нет больше в жизни огней.

Декабрь был на снега не скуп

Декабрь был на снега не скуп,
И стужа не грозила саду.
А я, твоих коснувшись губ,
Привычно ощутил прохладу.

Как ты бываешь холодна!
А может это лишь до срока?..
Небрежно брошенное: «Да»
Мне душу режет, как осока.

Но ты опять отводишь взгляд,
А мне тебе ответить нечем.
Лишь что-то шепчет снегопад,
Ложась снежинками на плечи.

И кажется, что мы бежим
По кромке неземного круга...
Твоя любовь, как наша жизнь,
Вся – от восторга до испуга.

Ключи от сердца

Я пришел к тебе невзначай,
Постучал в знакомую дверь.
Ты сказала мне сгоряча,
Что не нужен я здесь теперь.

Но давай с тобой помолчим,
Поглядим друг другу в глаза.
И признанием прозвучит
То, что раньше я не сказал.

Понимаю, что виноват.
Поманила дорога вдаль...
И звучит во мне, как набат,
Нерасплесканная печаль.

Но давай с тобой помолчим,
Поглядим друг другу в глаза.
И сверкнет мне искрой в ночи,
Как твое прощенье, – слеза.

Я об этой встрече мечтал,
Знал, что скоро ей в жизни быть.
Все преграды в пути сметал,
Ведь тебя нельзя не любить.

И прошу теперь – не молчи,
Так хочу услышать я: «Да!»
Отдаю от сердца ключи,
Я пришел к тебе навсегда.

ЛЮДМИЛА ШАМЕНКОВА

Добро пожаловать!

Иные жили на Пречистенке,
А мы – в Козицком тупике.
Снегами белыми и чистыми
Бежали в школу налегке.
У мамы – фетровые ботики.
У папы – чёрный лимузин.
А мы в театре, свесясь с бортиков,
Цветы бросали в балерин.
Мы жили просто, как нам нравилось.
Ценили дружбу и тепло.
И днём, и ночью до беспамьяства
Валили гости напролом.

Людмила Семёновна Шаменкова родилась в Москве. После окончания филологического факультета МГУ работала корреспондентом Красноярского краевого радио.

Более двадцати лет сотрудничала в редакции газеты «Известия».

Первый сборник стихотворений вышел в 1976 году в издании «Библиотека «Огонек»».

За ним последовали написанные в разные годы шесть стихотворных книжек.

Л. Шаменкова – член Российского союза писателей, автор сборника рассказов «Трепет чувств и заблуждений» и книги «Трудности ухода». Её произведения представлены в периодической прессе и в электронных литературных изданиях. Последняя подборка стихотворений опубликована в альманахе «Академия поэзии».

Входили родственники дальние,
Сминали коврик возле стен,
Вели беседы оптимальные
Про сахар и снижение цен.
Играли в фанты с детской шалостью,
Несли на стол что бог послал.
Едва уйдут, добро пожаловать,
Уж новый гость в дверях стоял.
О, эта странная прилипчивость
Души к душе, почти родной.
Звенел звонок не электрический,
А механический, простой.

Подруга – к маме. К брату – девочки,
Ко мне – товарищ, к няне – он.
И мысли не было – отделаться.
И в доме целый день – трезвон.

Я вспоминаю эти шествия
В уют родного очага,
И маленькие происшествия.
И стародавние снега,
И шубок меховых дырявость,
И хлястики полупальто,
И вечную в прихожей слякоть,
И тесной кухоньки тепло,
И думаю, что жизнь не клеится,
Что подшутил над нами рок:
Кто мой сосед на верхней лестнице
Иль за дверьми наискосок?
Железная броня закрыта.
Глазок охраны щурит свет.
Одна сижу я у корыта
Далёких незабытых лет.
Но мы соскучимся по таинству
Укромных улочек Москвы,
Где тихо, в нежности растаянной
Бродили мы, и ты, и вы.
Где не было ни грубой ругани,

Ни хлябью вызванных простуд
И грели окна полукруглые,
Заманивая в свой уют.
Я жду. К закату вечер клонится.
Куда-то скорую везут.
Прохожий по делам торопится,
А дни идут, идут, идут...

Неполная семья

Неполная семья,
Неполнозвучная.
Стакан с невозбуждающим вином.
Ну что тут скажешь, если невезучая
И жизнь катилась как-то кувырком.
Неполная, убейте сразу, что ли,
За то, что не могла завоевать.
Расскажут дневники на антресоли,
Как тяжело одной ребенка воспитать.
И знала: об отце сынок тоскует,
Но тапок не было больших, как лопухи.
Водила сына по паркетам разных студий,
Читала с ним хорошие стихи.
Неполная.
На ужин две тарелки,
Не видно третьего, не плавает дымок.
Но в дверь стучат весёлые соседки –
И тут же появляется пирог.
Неполная, но полная любви,
Порой искала радости в бутылке.
Но всё же рассудительность крови
Не позволяла ей скатиться до Бутырки.
А сын, возвращённый нежностью её,
Дорос до пониманья многих смыслов.
Он бережёт достоинство своё
И ценит полноту бесценной жизни.

18 июня 2018 г.

Зеркало

Зеркало алчет добычи,
Не забывая сиять.
Затянет тебя в пучину
И будет лицо глотать.
Отнимет природный румянец,
Ужимки сведёт на нет.
За слоем стеклянного глянца
Прячется сумрачный свет.
Захочешь ударить – не бойся!
Как в морду бандита врежь!
Потом собери отбросы
И выброси в чёрную брешь.
Скажи пустоте с выраженьем:
«Признайся в своей вине!»
И новенькое отраженье
Повесь на голой стене.

УСТИНЬЯ ШЕПЕЛЬ

Дедушке

Дедушка любимый
Дедушка родной,
Как люблю я время
Проводить с тобой!
Листья собирать,
Яблоки, конечно,
Времечко проходит,
Как-то быстротечно!

Бабушке

Бабушка любимая
И даже еще больше
Так живи ты с нами
И как можно дольше!
Бабушка любимая
Тебя люблю я очень
И нет родней на свете
Скажу я между прочим!

Устинья Шепель. Ученица 5 класса. Начала писать стихи и рассказы с 4-го класса. Печаталась в альманахе «Московский Парнас» и в литературно-художественном издании МГО СП России «Времена года». Награждена грамотой МГО СПР.

Брату Андрею

Братик мой любимый,
Солнышко ты наше,
Мальчик ты хороший
И нет тебя краше.
Мне с тобой приятно
Бегать и резвиться,
Без причин ругаться,
А потом мириться.
Ты конфеты любишь
И я люблю тоже,
Улыбайсь почаще
Помоги же Боже!
Так играй почаще,
Ты веселый мальчик,
Но не в телефоне,
А в баскетбольный мячик!

Пальма

Испания, Майорка, Санта-Понса,
Полно воды и ласкового солнца,
Прекрасные, чудесные места,
Созданы для человека неспроста.
Там море – словно ласковая кошка,
А в нем божественна лазурь немножко
Ласкает каменистые берега
На них ступала несчетная нога.
Здесь быть – совсем забыть ненастье
И обретешь ты радость, счастье,
Сладость жизни, наслажденье,
Природы чуда – пробужденье,
Добро и жизнь вижу повсюду
С тобою Пальма всегда я буду.
А уезжать никак не хочется
Потому как грусть воротится.

ТАТЬЯНА ШЕХАНОВА

Тихое

Если хочешь слышать – слушай,
Только и всего.
Ни при чем совсем здесь уши –
Нужно естество.

Слушай, затаив дыханье,
Сердцем и душой.
Ты не маленький да ранний –
Ты уже большой.

Ты тихохонько приникни,
Чтоб услышать, как
Поднатужась, но не вскрикнув,
Прорастает злак.

Молча делается дело
В думе и труде,
Чтоб с любовью сердце пело
Каждое везде.

Шеханова Татьяна Сергеевна – автор нескольких книг стихов, статей по современной литературе.

Глянь, без сна и передышки –
Это уважай! –
Сад в ветвях качает – вишь как! –
Яблок урожай.

Дуб – пока ещё дубочек,
Ниже трав малец,
Но подняться к небу хочет,
Как его отец.

Если ты услышал – действуй
И не суетись.
Это дом твой, сад твой, лес твой,
Путь твой, твоя жизнь.

* * *

А за то, что ты ходишь вокруг и мозолишь глаза,
И за то, что простой разговор даже так и не начат,
От тебя улетит – не оглянется прочь стрекоза
И укатится с берега в речку упущенный мячик.

А за то, что взглянул и ещё обернулся мне вслед –
Я, конечно, не видела, только я всё же знаю, –
Вот за это к тебе прилетит пусть крылатый рассвет,
И от чистой росы пусть рассыплется в прах тьма ночная.

* * *

Мне не надо ни одной
Раззолоченной одёжки.
Ты мне радуйся, родной,
Хоть в дерюжке я, в рогожке,

Хоть с котомкой за спиной
В молью траченном платочке.
Ты мне радуйся, родной,
Потому что, оттого что

Нет нигде другой такой,
Чтоб ловила с лёту стрелы,
Чтобы, заслонясь рукой,
На тебя вот так смотрела,

Чтоб от милых от ворот
Отгоняла тьму и ярость,
Чтоб, всё зная наперёд,
Ничего не убоялась.

Дядя Вася

Дядя Вася мне принёс на праздник
Три тюльпана: «Это вот для Вас».
Выбрал этих трёх средь самых разных
Честной синевою добрых глаз.

Три тюльпана, солнцем налитые,
Прянули в ладони, чуть дрожа,
Засияли – светло-золотые,
Словно дяди Васина душа.

Осветили этот странный праздник
И заставили поверить вновь
Здесь, средь слов и дел совсем уж разных, –
В дружбу, и в надежду, и в любовь.

2

проза

ИГОРЬ ВАРЛАМОВ

Игрушечные деньги

А так вот и бывает. Станешь перебирать в шкафу старые книги, и выпадет вдруг советская трешка. Или пятерка. А может, и вовсе – двадцатипятирублевка. И тогда отложишь в сторону дела, разглядишь давно вышедшую из обращения купюру и надолго задумаешься. Потерянные деньги, а вроде и не жалко вовсе. И вспомнится вдруг какая-нибудь давняя история, душу согреет.

Историй таких не счесть: едва ли не у каждого есть свой рассказ про те полновесные советские рубли. Вот и мне вспомнился такой случай. Жил да был шестилетний мальчишка Женька. Любил он каждое воскресное утро с отцом в кинотеатр на детский сеанс ходить. Покупал ему отец перед началом фильма «Ленинградское» эскимо в шоколадной глазури или пирожное «картошку».

И светился тогда пацан несказанной радостью. А еще у Женьки мечта была – пожарная машина. Ну та самая, которая, как настоящая, водой может брызгать. Увидел ее Женька в «Детском мире», в отделе игрушек, да так и стоял потом долго-долго с открытым ртом. А по ночам машина та красная вкатывалась на своих резиновых колесиках в бирюзовые Женькины сны. Ездила она во сне, гудела, пожар искала. И уж если находила, тут же принималась тушить. Так качала

Варламов Игорь Валерьевич – поэт, прозаик, эссеист. Член Союза российских писателей. Печатался в журналах «Дружба народов», «Урал», «Байкал», «Вестник российской литературы», в Антологии современной уральской поэзии и Антологии современной литературы России «Наше время». Автор двух поэтических книг, а также книги прозы «Глухие согласные».

игрушечная помпа воду, что просыпался Женька утром на мокрой простыне. Только вот машина куда-то всякий раз девалась.

Совсем потерял покой парень. Изводил родителей, упрашивал купить пожарную машину.

– Ну пожалуйста! – канючил Женька. – Больше не буду у вас щенка просить, только купите пожарку.

Привела мама однажды вечером Женьку из детского сада. А вскоре и отец домой с работы вернулся. Улыбается, что-то в руках за спиной держит. Кинулся Женька к отцу, схватил коробку. Ну конечно – пожарная машина.

– погоди, сынок, – говорит отец, – машину-то водой заправить нужно. Вот так. Ну, теперь ты настоящий пожарный. Поезжай, проверь, все ли у мамы на кухне в порядке. Не пригорело ли чего?

Получил в тот день отец зарплату. Сел за стол пересчитать деньги.

А купюры все новые – хрустящие сиреневые двадцатипятирублевки.

«Съездил» мальчуган на кухню, потом в детскую завернул, побрызгал из пожарного ствола в цветочный горшок да к отцу вернулся.

– Все в порядке, папа. Машину нужно в гараж поставить, – сказал Женька и под стол полез.

Считал отец деньги да не заметил, как одну купюру нечаянно на пол уронил. Сложил он пересчитанные деньги и маме отнес. А мальчишка заметил на полу двадцатипятирублевую бумажку. Хотел сначала ее водой полить, но потом передумал и спрятал в кабине пожарной машины. И родителям ничего не сказал, мол, самому еще пригодится.

Слетаются на свет лампы мотыльки из темноты. Глаза у Женьки слипаются. Спать пора. Уложила мама сына в постель, села рядом, погладила вихрастую голову. А машина пожарная в «гараже», под столом стоит. Никуда она теперь без Женьки не уедет. И снятся мальчишке уже совсем другие сны.

Сегодня ребята во дворе в войну играли. И видит Женька во сне, как бегают пацаны с самодельными ружьями и автоматами, прячутся в канаве за домом, будто в траншее.

– Окружайте их! Пах! Пах! Падай, я тебя застрелил, – несется из окопа.

«Ну разве это война! – думает спящий Женька. – Кто ж так стреляет! Ведь автоматы у них деревянные. А настоящим солдатам хорошее оружие нужно».

Проснулся Женька субботним утром, потянулся в кровати. Солнце сквозь зеленые ветки в комнату заглядывает. Воробьи за окном что-то не поделили и подняли гвалт. В детский сад сегодня идти не нужно. Хорошо!

Натянул Женька шорты и вдруг забеспокоился: на месте ли пожарная машина? Пошлепали босые детские ноги в комнату родителей. Здесь. Никуда не делась. Вытащил пацан из кабины сиреневую двадцатипятирублевку, свернул вчетверо, как фантик, и сунул в карман шортов.

Вкусно пахнет утром из кухни. Рано встала мама, блинчиков напекла, Женьку завтракать зовет. Уплетает мальчишка блины – сметана на щеках.

– Ну вот, теперь можно и гулять, – говорит мама. – Только давай сначала коленку зеленой помажем. Смотри больше не падай!

Выбежал Женька во двор. Видит – ребята в войну играют. Все его друзья здесь: подготовишки Юра, Славик и Сережа да еще второклассник Витька.

– Ну какие же вы солдаты! У вас ружья деревянные, – кричит им Женька.

– А у тебя и такого нет!

– А вот и есть... Да еще получше вашего! Возьмите меня в игру, а я вам тайну открою.

– Врешь ты все! – хихикают над Женькой мальчишки.

Обидно стало Женьке. Вытащил он из кармана сиреневую бумажку, развернул и говорит:

– У настоящих солдат всамделишное оружие должно быть. Пошли в «Детский мир» автоматы покупать.

Удивилась продавщица в магазине, но все же вынесла детям игрушки. Купил Женька пять автоматов на батарейках, раздал друзьям и один себе на шею повесил. Ровно двадцать пять отцовских рублей потратил. Хорошие были автоматы: пластмассовые, с красной лампочкой на конце, трещали, как настоящие. Разглядывали мальчишки свое новое оружие, языками цокали.

– Мне бы папа никогда такого не купил. Он мне автоматы из дерева выпиливает, – сказал Юра.

– А мой папка вообще в тюрьме сидит, – отвернулся Витька.

– У меня братишка маленький. Родители все только ему и покупают, – пожаловался Сережа.

И лишь Славик промолчал. Все знали, что нет у него отца: погиб он в аварии на заводе.

Набегались пацаны, наигрались, чумазые по домам пошли. У каждого – автомат на шее.

– Откуда это у тебя, сынок? – спросила мама, показывая на игрушку. – Кто-нибудь из друзей поиграть дал?

– Нет, мам, это мой. Я его в «Детском мире» купил. И всем ребятам тоже.

– А где ж ты деньги взял? – вымытая тарелка едва не выпала из маминых рук.

– Вчера под столом, около папы нашел.

– Так, значит, ты папины деньги без спросу взял!

– Да они же ненастоящие, мама!

– А какие же?

– Игрушечные, – Женька смотрел широко раскрытыми глазами и недоумевал, как это мама простых вещей понять не может. – Папа купил мне игрушечную пожарку, а я купил игрушечный автомат. Значит, и деньги – игрушечные. Так ведь?

Столько времени прошло! Все переменялось вокруг: и кино, и пирожное, и игрушки... Да и деньги тоже. Какими они только не были с тех пор!

И крепкими, как орехи, и дутыми, как мыльные пузыри, и легко-весными, как конфетные обертки. Да только вот жаль, не попадаетесь больше взрослому Женьке игрушечных денег.

Отцовский ремень

Отслужил моряк четыре года. Домой вернулся, женился. Двух сынов-близнецов родил. Поил шампанским таксиста, привезшего жену с новорожденными из роддома. Что ты, такая радость: два пацана сразу!

А сыновья уже с детства знали, что отец на флоте служил. Мерили огольцы отцовскую бескозырку да все время в ящике с игрушками ее оставляли. Потому и ленты на ней скрутились, и подкладка залоснилась. Да еще флотский ремень об отцовской службе напоминал. Хороший был ремень – сыромятной кожи. Пряжка с якорем хоть потемнела со временем, но все же вызывала зависть соседских

мальчишек. Был ремень лучше всяких игрушек. Засыпают мальцы, и ремень рядом с собой, на стул с одеждой кладут. Просыпаются – и ремень тут же.

Вся ребятня во дворе тогда почитала солдатскую амуницию. Мальчишки хвастали друг перед другом «трофеями» своих отслуживших отцов и братьев. Пацан без солдатского ремня вроде и не пацан вовсе. Эта звезда на увесистой бляхе! Предмет детской гордости. Прижмешь ее крепко-крепко к ноге, и отпечатается она на загорелой детской коленке. Но больше всего ценились ремни флотские – с якорем на пряжке. Были они во дворе большой редкостью.

Приходила зима, и мама, снаряжая сыновей на прогулку, подпоясывала кого-нибудь одного отцовским ремнем. Это был целый обряд облачения.

– Сначала обуем ботиночки, – говорила мама. – Так. А вот и наша шапка на резинке. Перестань баловаться, давай надевай скорее! Теперь шубку. Ну, просовывай ручку. Шарф сзади завяжем, да? А варежки где? Опять в кармане мокрые лежат. Ну вот... Чья очередь сегодня ремень надевать?

Длину ремня отец убавил, чтобы поверх шубы застегивался он очень туго. Так, чтоб не вздохнуть. Зато не поддувает, тепло, и можно валяться в снегу.

Однажды один из братьев дома за рисованием сидел, а другой пошел гулять во двор. Потому и спора из-за ремня не было. А на улице – благодать. Снегу во дворе навалило! Ребятня выстроила из него вчера целую крепость.

И как ни штурмовали ее, стоит та крепость целехонькой и сегодня. Большие снежные глыбы только чуть почернели. Квадратный лаз еще не обвалился, и так хочется залезть внутрь. Хоть в одиночестве, а интересно взбираться на крепость и, отбиваясь от невидимого врага, запускать в него снежные ядра. А потом снова прятаться за ледяной стеной.

В сумерках снег становится сиреневым. И окна уже зажигаются. Пора домой. Горят у мальчишки щеки, шапка сбилась, сыро в ботинках, ледяные катышки на шубе. А варежки – хоть отжимай! Ох, опять от мамы влетит...

Вылез мальчишка из снежного лаза, сунул мокрые варежки в карман, одернул полы шубы под ремнем и направился к дому. И вдруг из-за ледяной стены прямо на него вышел здоровенный вихлястый

парень без шапки. Сутулясь от холода, держал он руки в карманах короткой плащевой куртки.

А рядом с ним плелась, покорно опустив вислоухую голову, большая нескладная собака.

– Эй, пацан, – просипел незнакомец. – Хочешь собаку?

Как не хотеть! Это же добряга Найда, всеобщая любимица. Все в округе знают Найду – бездомную безголосую дворнягу. Ребята говорили, что кто-то из девчонок ухаживает за ней и даже делает на грубых собачьих лапах маникюр.

– Хочу, – ответил мальчуган.

– Тогда давай меняться. Я тебе – собаку, ты мне – ремень. Согласен?

Вот это да! Найду можно будет взять к себе домой, она станет его собственной собакой. Ну как тут откажешься!

– Согласен, – обрадовался малец. Он хотел расстегнуть на шубе отцовский ремень, да не смог – туго. И красные от мороза руки не слушались.

– Давай помогу, – добродушно предложил вихлястый.

Пряжка клацнула, и ремень, освободив полы шубы, остался в руках у парня.

– Собака твоя, забирай, – сказал он, сиганул через забор – да в подворотню.

– Пойдем, Найда, домой, – мальчишка хотел погладить палевую спину теперь уже собственной дворняги и протянул к ней красную ладошку.

Но собака как-то боком затрусилась прочь, будто подражая вихлястому парню. Потом она обернулась еще раз и совсем скрылась из виду.

– Куда ты, куда? Вернись, Найда! Иди ко мне. Дома дам тебе хлеба, – чуть не ревел мальчуган. – Най-да!

...Зимнее утро темное и зябкое. Неохота вылезать из-под одеяла. Рано проснулся пацан. Шарил, шарил около себя спросонья в темноте, да так и не мог отцовский ремень найти.

Скворечник

Мегамооллы, гипермаркеты, аутлеты, дискаунтеры, сток-центры... Куда ни глянь! Неродное все, пугающее. Бррр! А ты ходишь и ищешь, к примеру, всего-навсего бельевую веревку. Сияние огней, блеск

пластика и металла, и вдруг в одной из витрин торгового центра – скворечник. Ого. И остановишься как вкопанный. Потом, очнувшись, потрогаешь, покрутишь в руках деревянное изделие. Стеночки то-о-оненькие. Фанерные. И держатся на клею. Боже, кто ж так скворечники делает? Скворечник, он же... скворечник! Однако навеяло...

Далекие 70-е. Мы с братом учимся в школе, любим животных, ходим в кружок «Юный натуралист». Родители молоды, семейство живет счастливо. Все как-то хорошо и благополучно было...

Отец очень любил животных. Мама, конечно, тоже, но не так явно проявляла свою любовь. Отцу нравилась всякая живность – и кошки, и собаки, и птицы. Но больше всего он любил лошадей. А то как же! Родился-то и вырос в деревне. Однако гужевого транспорт вышел из моды, коняшек в те годы уже редко можно было увидеть на городских улицах. И отец немного тосковал.

Но в городе живых тварей хватало. Вот эти птицы небесные, к примеру. Сколько помню, раньше на Урале всегда были холодные, снежные зимы. И папа говорил назидательно, что городских пичуг – синиц, воробьев да снегирей – нужно подкармливать.

– Как подкармливать? – спрашивали два малолетних отпрыска.

– Нужно строить кормушки, – вполне логично отвечал отец.

Он приносил фанеру, деревянные рейки, гвозди, ножовку, молоток, линейку, карандаш, и мы втроем начинали мастерить зимнюю кормушку. Потом устанавливали ее прямо на балконе. Насыпали разную крупу. Иногда просто клали хлебную корку. А иной раз – кусочки сала. Сало очень любят синицы – это я знаю с детства. И до чего ж интересно было нам, пацанам, наблюдать за птицами, прилетавшими на наш балкон подкормиться! И как же сходила с ума наша кошка, сидя на подоконнике и наблюдая через стекло за клюющими птичками! Она не мяукала, а как-то жалобно верещала, вся сжавшись в пружину и вытянув шею в охотничьей стойке. Птицы же будто бы совсем ее не замечали и знай себе поклевывали хлебные крошки да кусочки сала. Но проходила зима, и кормушка пустовала. За лето она ветшала, и к следующей зиме мы мастерили новую.

А однажды решили мы с братом сделать... скворечник. И установить его на длинной перекладине тут же, на балконе.

– Помочь вам сколотить птичий домик? – спросил отец.

– Не, пап, не надо. Мы ведь не маленькие уже, сами сделаем.

На самом деле совсем неспроста мы отказывались от отцовской помощи. Был в том большой резон. Поскольку хотелось нам сделать скворечник с двойным дном. Проще говоря, задумали мы соорудить в том скворечнике тайник. Ну вот для чего пацанам тайник, а? А для того, чтобы хранить в нем всякие важные неважности. Ну, там какие-нибудь рогатки, старый бинокль, мелочь, сэкономленную на школьных завтраках...

И вот принялись мы с братом за дело. Для начала нашли хорошие доски. Отец сказал, что скворечник лучше всего делать из сосны, причем доски должны быть необструганными, не гладкими. Это для того, чтобы птица могла от гнезда по внутренней стенке вскарабкаться коготками до летка. Толщина досок должна быть достаточной, чтобы выпиленные детали скворечника можно было прочно скрепить шурупами. Ну или, по крайней мере, сбить гвоздями.

Сделали мы с братом заготовки стенок, крышки, дна скворечника. Труднее всего пришлось с летком: круглое отверстие нужно было выпиливать лобзиком. Но пилки у лобзика были тонкими, доску брали с трудом и постоянно ломались. Однако после усердных трудов все же сделали мы вылетное отверстие. Сбили доски гвоздями. Ну и, понятное дело, про тайник не забыли: специальная фанерка входила в пазы – тайник закрывался. Потом устанавливали скворечник на балконе. Тут уж нам отец помогал. Про тайник он, кажется, не догадался...

И вот пришла в наши края весна. И ждем мы с братом, когда ж к нам скворцы заселятся. Но пустует наш птичий домик. Выйдем на балкон, потрогаем скворечник, заглянем в леток, откроем тайник – всё на месте, а скворцов нет. И не понимаем совсем, несмышленные, что птички-то – существа осторожные, пугливые и недоверчивые: никогда не поселятся они там, где их будут тревожить, заглядывая в тайничок. Да и киста наша с приходом весны уже беспрепятственно на балкон выходит, прогуливается по перилам и интересуется новым деревянным сооружением.

Так и стоял наш скворечник-тайничок долгие годы, пока мы не выросли, родители не состарились и не пришла мода хранить ценности в банковской ячейке.

ВАГРАМ КЕВОРКОВ

ТБИЛИСО

Недavno моя соплеменница по крови и фейсбуку Лариса Поповян опубликовала свои фотозаписи о Тбилиси.

Моя «рецензия» была краткой: «Тбилиси – чудо!»

И вдруг отзыв от самой Ларисы Поповян: «Совершенно с Вами согласна!»

Тот, кто любит Тбилиси, поймет и её, и меня.

Я ехал на дачу, в Шарапову Охоту.

«Глухонемой» торговец разносил по электричке книжицы – «Сонник», «Тосты». Я купил одну и, пролистывая, наткнулся на тост: «За хозяев дома!»

И вспомнил Марлена, вспомнил всё это застолье в грузинском доме в Москве.

Ваграм Борисович Кеворков родился 1 июля 1938 года в г. Пятигорске.

Окончил режиссёрский факультет ГИТИС-РАТИ, ранее – историко-филологический факультет Пятигорского госпединститута. Режиссёр-постановщик. Артист. Работал на телевидении и на эстраде. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Печатался в журнале «Наша улица», альманахах «Ре-цепт», «Золотая птица», «Истоки», «Эолова арфа», «Лесной орех», «Канатоходцы». В 2005 году в издательстве Союза писателей России вышла книга Ваграма Кеворкова «Сопряжение времён». В 2008, 2009, 2013 годах в московском издательстве «Книжный сад» вышли книги Ваграма Кеворкова «Романы бахт» («Цыганское счастье»), «Эликсир жизни», «Гул далёких лавин».

В 2016 году в московском издательстве «У Никитских ворот» вышла книга Ваграма Кеворкова «Теория вероятности».

Собрались люди одной профессии. Не режиссёрами были только художник-плакатист Каждан, сын известного художника-гримера, и микробиолог Валя, жена хозяйина дома Шота, карелка по национальности.

«Валья! Бэльо должно иметь свой цвет!» – учила её хозяйскому уму-разуму мать Шота. Сациви Валя готовила по её рецепту.

А на столе рядом с сациви питна – мятная водка, крепчайшая штука, чача – виноградная водка, опять же немалой крепости, хванчкара, киндзмараули – замечательные вина, под стать гостям.

И в этом роскошном грузинском застолье плелись узоры нашей беседы, подобно цветастым узорам персидских ковров, и в этих узорах памяти проявлялся чуть лиловый в утренней дымке несравненный Тбилиси!

Я прилетел туда в 1967 году под самый март, который грузины именуют не иначе как «гиж» – сумасшедший! «Гиж март, э-э, гиж!» – жалуются они друг другу на бешеный ледяной ветер с Казбека, этот ветер не щадит ни старых, ни малых, проникает даже в самую тонкую дверную или оконную щель, поражая всё и всех лютым холодом. К тому же город с истинно кавказской беспечностью никогда не готовится к зиме всерьёз: тщательно промазанные окна и добротные пригнанные форточки – это не для южан! Как всю зиму ходят с непокрытой головой тбилисские юноши, так и город щеголяет своим презрением к холоду! Но, презирая стужу и не обременяя себя заботливостью, шмыгает простуженным носом, жалуется на непогоду: «Гиж, э-э, гиж!»

Но гиж не гиж, а устраиваться в гостиницу надо. «Рустави» на Плеханова – гостиница старая, плохонькая, номера многоместные, правда, недалеко от старой киностудии «Грузия-фильм», где мне и звукорежиссёру Алевтине предстоит завершить музыкальную ленту «Весёлые рыболовы».

В щелистых окнах гуляет ледяной ветер, и, едва не окоченевшие за ночь, мы с Алей в семь утра выскочили из своих шестиместных апартаментов и устремились в буфет, хлебнули там горячей бурды, гордо именуемой «кофе свежий», и в восемь ноль-ноль были на проходной «Грузии-фильм». И – о чудо! – Боженька пожалел нас: Аля встретила своего знакомого – режиссера Кугули Мгеладзе. Он, оценив наш жалобный вид и проникнувшись к нам состраданием, тут же предложил:

– Идёмте к Спартаку, Спартак поможет!

Заведующий актёрским отделом Спартак действительно оказался сердобольным – позвонил директору гостиницы «Тбилиси» и договорился с ним о двух одноместных номерах для нас с Алей. Но вселиться в них можно будет только через три дня.

Вечером, после смены, Кугули на своей машине отвёз нас в гостиницу «Сакартвело» («Грузия»: самоназвание грузин – «картли», «картвели»), поговорил там с администратором, и нам дали... по люксу за двадцать пять рублей в сутки каждый! А бухгалтерия оплачивает не более пяти рублей!

Пришлось на следующий день перебираться в гостиницу на далёкой окраине Тбилиси – Дигóми (тогда метро там ещё не было).

С великими трудностями добираясь до центра в переполненных автобусах, прокантовались в этом отдалённом отеле ещё двое суток и наконец поехали в гостиницу «Тбилиси».

Поднимаюсь на второй этаж к директору, напоминаю о его договорённости со Спартаком. «Да-да, что-то такое было! – отвечает он и добавляет. – Идите к Вахтангу, скажите, что я сказал!»

Спускаюсь вниз, подхожу к администратору Вахтангу – он сидит в тбилисской кепке-«аэродроме», говорю ему о распоряжении директора, он отвечает: «Хо! Ваши паспорта!» Аля протягивает ему свой паспорт, и он долго читает по складам:

– Ве-ре-тен-ни-ко-ва! Это что за фамили? Два двадцат!

Потом раскрывает мой паспорт:

– Геворков! Хо! Рубл восимдисят!

Але достался номер большой и холодноватый, а мне – маленький, уютный и тёплый! Теперь никакой гиж не страшен!

– Ваграм! Маграм? Почему не пьёшь? – возвращает меня за стол голос Шота.

Я протягиваю свой бокал навстречу его бокалу, раздаётся чудесный звон, потом соединяю свой бокал с другими бокалами – и пью чудесное «Киндзмараули»!

Мы с Шота познакомились в Тбилиси, в кабинете большого телевизионного начальства. Шота только что закончил документальный фильм о гениальном художнике Ладó Гудиашвили, и в кабинете шло обсуждение этой ленты.

Потом Шота подошёл ко мне и попросил устроить ему номер в пятигорской гостинице: я жил тогда в этом городе, а он хотел приехать

туда с женой Валей отдохнуть. Я пригласил их к себе, они приехали, и мы подружились.

В юности Валя не ответила на пылкое чувство Шота. И судьбы их разошлись. Она вышла замуж за другого. А он после этого женился. У него появились сын и дочь. Но жена умерла. Мать Шота и его дети жили в Тбилиси, а Шота Ильич работал режиссёром в Рижском русском театре.

Валин муж умер. Шота узнал об этом спустя много лет, разыскал её, и тут уж она сполна ответила на его всё такое же пылкое чувство.

Москвичка, она работала в крупном НИИ. В Тбилиси, где после Риги стал работать Шота, ей, выдающемуся микробиологу, просто нечего было делать. Во время её двухгодичной командировки в Китай «по оказанию братской помощи» сам Мао Цзэдун настойчиво предлагал ей остаться работать в Пекине, сулил роскошные условия жизни и собственный НИИ.

Но Валя вернулась домой.

А Шота стал главным режиссёром Тбилисского ТВ. И прежде чем сумел перебраться в Москву на ЦТ (я сделал это ранее), они с Валей летали друг к другу на выходные и праздники. Я прозвал Валю «летающая карелка».

В конце концов перелёты закончились, и мы нет-нет да и собирались на дружеское застолье в Москве.

И конечно, вспоминали Тбилиси.

Я любил пройтись по Руставели, купить там три батумских лимона, съесть их тут же на глазах изумлённого продавца: «Ва-а-а!» – и отправиться далее, на встречу с манящим Тбилиси!

– Ромели сáтия? Который час? – спрашивает меня встречный грузин.

И я, взглянув на циферблат, отвечаю:

– Ори сатия! Два часа!

– Дмадлóбдт! – благодарит он и уходит.

Я оборачиваюсь ему вслед и громко прощаюсь:

– Нахвамгэс!

– Нахвамгэс! – откликается он и приветливо машет мне.

Грузины любят себя, свой народ. При встрече юноши, девушки слегка обнимаются, касаются друг друга щеками или обмениваются поцелуями в щёчку.

– Гамарджоба!

– Гамарджоба!

Или:

– Гамарджоба!

– Гаумарджос, генацвале!

Это особо уважительное и радостное приветствие.

Тбилиси многоязычен, здесь звучит и армянская, и азербайджанская, и русская, и курдская, и ассирийская речь, но, конечно, доминирует грузинская.

В кафе «Мзия» («Мечта»), на территории киностудии, один грузин говорит другому:

– Эрти руси шéбис сахиклэси, кетухлób: «Пельмены-гигант ест?» Ха-ха-ха! (Один русский заходит в хинкальную, спрашивает: «Пельмены-гигант есть?»)

О, тбилисский хинкали! Услада моя и спасение! Берёшь на рубль десять вкуснейших сочных хинкалин, за двадцать восемь копеек бутылку «Жигулёвского» – и ничего более не нужно твоему желудку! Дёшево, вкусно, питательно, сытно!

Конечно, бутылку порожнюю никогда не возвращаешь и не требуешь её стоимости, этикет есть этикет: буфетчик что-то должен наварить себе? У него что, семьи нет? Он что, кушать не хочет?! Он что, не человек, да?!

Конечно, человек! Конечно, он хочет кушать, дай Бог счастья его семье и всему его роду!

В ресторанах, кафе – только официанты, ни в коем случае не официантки! Иначе жадные до женского пола кавказцы обрушат на них всю мощь своего вождения, и дай Бог, чтоб не перепутали тружениц общепита со жрицами любви, – ни одна женщина, даже почтенного возраста, не сможет работать в условиях, подобных жерлу kloкочущего вулкана! Только в хинкальных и шашлычных можно встретить старушку-уборщицу грузинку, армянку, азербайджанку, курдианку, ассирийку и т. п., но не славянку, ибо славянку и возраст не избавит от агрессивного мужского внимания, славянки для кавказцев – желаннейшие из женщин!

– Если я не попробую хотя бы два раза в год московских девочек, я болею! – признался седовласый тамада Амвросий. – Они продлевают мне жизнь!

– Смотри, как бы жена, узнав об этом, не укоротила её тебе!

– Вах, жена – это святое, как храм! А девочки – как эстрадный концерт! Вот я и хожу сперва в храм, потом на концерт, что тут плохого?!

Сочувственный смех мужчин был ответом ему.

– С согласия тамады! – попросил слова Валико. Амвросий важно кивнул. – Я очень беспокоился о Шота, когда он перебрался в Москву. Что за жизнь без друга? Случись что, кто поможет тебе? Но сегодня я спокоен, потому что знаю: кроме меня у Шота есть ещё друзья-москвичи, и я рад, что они сегодня здесь, за этим столом. За людей, которые с тобой и в горе, и в радости! За друзей!

Валико и Шота называли друг друга братьями, и многие из тех, кто не знал их фамилий, так и считали, оба ведь Ильичи: Валерьян Ильич и Шота Ильич. На самом деле они были просто друзьями, Валико Квачадзе и Шота Карухнишвили, Квачик и Карухник.

Валико когда-то молодым красавцем снялся в фильме «Далеко от Москвы» в роли инженера Беридзе. Потом много играл в тбилисских театрах, много ставил как режиссер – в театральном Тбилиси он был известен всем.

Когда я собрался посмотреть балет «Дон Кихот» с легендарным Вахтангом Чабукиани, в кассе Тбилисского театра оперы и балета не оказалось билетов: аншлаг. Набравшись наглости, я подошёл к администраторскому окошку и сказал: «Я от Валериана Квачадзе, мне нужен один билет!»

Внимательно взглянув на меня зоркими серыми глазами, благообразный седой грузин изрёк:

– Привет ему!

И протянул мне записку в кассу.

Заплатив там денежку, я оказался в седьмом ряду среди завязтых театралов, сполна оценивших пластику и темперамент Чабукиани, бессчётное количество раз выходившего на поклон под восторженное «Браво!» эмоциональных зрителей, забросавших своего кумира десятками роскошных букетов.

Тбилиси всегда был городом театральным и очень киношным. Здесь, в Тбилиси, я посмотрел спектакли театра Жана Вилара, благо они шли целый месяц на сцене театра имени Руставели.

В тбилисском Доме кино я увидел премьерные показы лент Ежи Гофмана и Анджея Вайды, посмотрел «Ричарда III» с Лоуренсом Оливье – только тут я смог оценить величие и звучность английского: фильм шёл в подлинном, недублированном варианте, под бормотание переводчика. Ещё до премьеры в Москве посмотрел здесь пленительную «Зосю» Михаила Богина – горькую и удивительно

пластичную ленту талантливейшего режиссера-лирика. Здесь же впервые увидел «Листопад» Иоселиани, «Июльский дождь» Хуциева. «Тбилисские зурначи» Квачадзе.

Здесь, в Тбилиси, на киностудии «Грузия-фильм», родились замечательные ленты, ставшие гордостью грузинского неореализма, – в эпоху соцреализмовского ширпотреба они вывели на экран не ходульного героя, а обыкновенного человека, живущего не по идеологическим прописям, а как получается, как выходит.

В одной монтажной со мной работал Миша Кобахидзе, он прославился своей короткометражкой «Свадьба».

Мы с монтажницей «Грузии-фильм» Ларисой Дигмеловой делали «Весёлых рыболовов» (оперетта Жака Оффенбаха) днем, с 8 до 17, а после делал свою короткометражку «Зонтик» Мишико.

Миша находился в ужасном положении. Он уже на несколько месяцев опоздал с окончанием производства своей картины, и, как это было заведено в Госкино, часть персонала из-за невыполнения плана уволили. Но Миша и его монтажница Валя Терлецкая доделывали картину. Конечно, без всякой зарплаты. Им предоставляли иногда производственные «окна».

Мишико и Валя фактически голодали. Их дневной рацион составляли хлеб и блюдечко варёной фасоли – лобио, которое стоило 12 копеек в столовой «Грузии-фильм».

Мишико мучился: с ним перестали здороваться, его едва ль не травили (за полгода не сделать двадцатиминутную картину – из-за чего всю студию лишили премии, а иные остались без работы!). К нему хорошо относилась только смена звуковиков: они были молоды, бунтарски настроены и бесконечные перезаписи «Зонтика» выносили безропотно. «Человек, не имеющий никакого отношения к искусству, не должен иметь никакого отношения к искусству!» – этот зазорный плакатик у них в цеху колол глаза тогдашним чиновникам.

Мишина картина была высоким искусством, они понимали это и работали сверхурочно бесплатно.

Миша никак не мог подобрать музыку. Он показывал мне варианты с органной музыкой Баха. Я горячо одобрял, но Миша продолжал мучиться, продолжал искать и наконец однажды пригласил студента консерватории – скрипача и записал с ним мелодию «Матчиша». Это было дерзко – и органично! «Матчиш» оказался великолепным лейтмотивом «Зонтика».

Миша вскоре закончил картину, показал её мне, Кугули Мгеладзе (тот только что выпустил картину «Утренние колокола») – Кугули пришел в восторг: «Гениально! Гениально!»

Потом этот фильм взял не один международный приз, но тогда! Ещё ничего не было ясно, и мы с Кугули поддерживали Мишико как могли.

Зная ранимость Миши, я старался как бы случайно поймать его где-нибудь возле столовой, чтобы пообедать вместе, ведь у него порой не было ни копейки.

Увы, его монтажнице Вале Терлецкой я ничем так и не смог помочь, ибо эта немолодая, очень усталая женщина не притрагивалась ни к угощениям, ни даже к булочкам и бутербродам, которые я «забывал» в монтажной... Долго мы с Мишей потом переписывались.

«Грузия-фильм» была интереснейшим коллективом. Тенгиз Абуладзе, Резо Чхеидзе были его украшением, но дух творчества витал над этой благословенной студией абсолютно ощутимо. А что уж говорить о молодых! Жилось им трудно, картины им давали со скрежетом. И Миша Кобахидзе, и Отари Иоселиани просто бедствовали, но жили, терпели во имя искусства: вера в себя и надежда на лучшее не покидали их.

Молодым пытался помочь Р. Стуруа, тогдашний второй секретарь ЦК Компартии Грузии. Он даже устроил им встречу с В. П. Мжаванадзе – первым секретарём ЦК. Но на встрече вместо помощи Василий Павлович напустился на молодых, упрекая их в аполитичности и нежелании делать классовые картины. Возникла перепалка. Отари Иоселиани рубанул Мжаванадзе: «Василий Павлович, разница между мною и Вами в том, что я смогу работать первым секретарём ЦК Компартии Грузии, а Вы кинорежиссёром – не сможете!»

Несколько лет спустя, уже работая на ЦТ, я встретил В. П. Мжаванадзе в Москве. Одетый в короткую дубленку, он шёл вверх по метельной улице Герцена – явно от Кремля, и по лицу его было видно, что его только что сняли. Восходящая «партзвезда» Э. А. Шеварднадзе поверг его. Очередной «божок» кончился.

А тогда, в 67-м, в тбилисский кинотеатр «Рустави» я пришёл на «Первороссиян». Перед фильмом давали хронику: призыв в армию. Когда на экране появился В. П. Мжаванадзе, в полупустом зале раздался оглушительный свист, грузинские парни кричали: «Маймун! Маймун!»

Трудно представить себе, чтобы в то время в Москве при появлении на экране, скажем, В. В. Гришина или, пуще того, генсека – стали бы свистеть и кричать «Обезьяна!».

В Тбилиси это было в порядке вещей: все говорили, что Мжаванадзе – ставленник Хрущёва, а Хрущёв был ниспровергателем покойного Сталина и потому – ненавистным.

А Отари Иоселиани вскоре снял свою великолепную ленту «Жил певчий дрозд», Мишико – короткометражку «Комедианты», принесшую ему приз ФИПРЕССИ.

В «недрах» «Грузии-фильм» я познакомился со знаменитым сталинским «летописцем» – режиссером «Клятвы», «Падения Берлина» и т. д. Я случайно забрёл в кинозал, где крутили отрывки рисованного мультика. Когда зажётся свет, седой человек с ясными молодыми пронизательными глазами (я сразу узнал Михаила Чиаурели, афиши о его семидесятилетии развешены по всему Тбилиси), увидев меня, постороннего в зале, удивился и, чуток подумав, спросил: «Вам понравилось?» Я не кривя душой сказал: «То, что видел, понравилось!»

Разговор завязался: кто я, что делаю, он зашёл ко мне в монтажную, посмотрел «Рыболовов», сказал: «Я всю жизнь делал не то, я только сейчас понял, что настоящее кино – это мультипликация, всё остальное – снятый на плёнку театр!»

Тем не менее ко мне в монтажную частенько заглядывают режиссёры и другие киношники: что за божественная музыка? А увидев трюки, коими прошито все действие, смеются. Фокус в том, что я вписываю артиста в рисованную декорацию: когда дядюшка поет о Марго, от волнения вставая, по краям его головы оказываются обширные рога (ветви дерева) и т. п.

В доме Шота никогда не пели о Тбилиси, но все любили слушать, как поёт о нем несравненная Нани:

*«Тбилиси, солнца и роз страна,
Без тебя жить не хочу,
Где найти такой новый сад,
Где седина Мтацминды?»*

Прежде чем подняться в фуникулере на Мтацминду, я долго стою у пантеона храма Святого Давида: у могил Нино Чавчавадзе и Гри-

боедова. «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?»

Будто зурна и дудук заплакали!

Переполненный рыдающими словами Нино Чавчавадзе, поднимаюсь в фуникулёре на вершину Мтацминды.

Внизу передо мной весь Тбилиси!

О Тбилисо, красавец, текущий рядом с Курою по её берегам, давший ей обрамление своими зданиями, улицами, деревьями, перекинувший через её мощное тело протяжённые мосты, по которым бегут автомобили, – город, чутко оберегающий реку, жизненосную артерию, над нею на высоком скальном берегу ласточкиными гнездами прилепились друг к другу дома армянского Авлабара, а на другом берегу, напротив памятника могучему всаднику – основателю города Вахтангу Горгасали (иногда говорят и пишут Горгасалу), выросшие прямо из земли округлые колпаки серных бань – над ними всегда курится парок, а внутри полуголые мускулистые банщики гнут в дугу бранные мужские тела, натирают их целебной грязью, омывают, массируют, отпускают в бассейн поплавать, потом укутывают в огромные простыни – и человек будто в раю побывал и, проведя в этих банях полдня, а то и весь день, выходит оттуда, словно молодильных яблок наелся, сбросив со своих плеч десять, а то и все двадцать лет, и тут самое время зайти в чайхану, куда на смеси своего и грузинского пригласят вас азербайджанцы: «Мян улюм, гяль бурá, генацвале! (Во имя жизни, иди сюда, дорогой!)» – и напоят золотистым чаем из особых стаканов, внизу, у донца, широких, даже пузатых, а сверху, у горловины, узких – в них чай долго-долго будет горячим!

А над банями, на горе, высокая крепостная стена Нарикалы, нежно обнявшая тысячи уникальных деревьев, кустарников, – чудесный ботанический сад, где можно часами бродить, не повстречав ни души...

От Мтацминды, подобно горным ручейкам, сбегают вниз узкие улочки старого Тифлиса, а на набережной древней Куры живут прежней тифлисской жизнью лавчонки и лавки, где, как и века назад, торгуют тканями, красителями, скобяными товарами, торгуют всем, чем можно торговать, и, попав туда, в эти улочки лавочек, где на мангалах жарятся, томятся, дразнят аппетитными ароматами шашлыки и кебабы, всем существом ощущаешь: это здесь мятущийся гений Нико Пиросмани (Пиросманишвили) живописал своих любимых колоритных кинто, пляшущих под зурну с барабаном – долом жизнерадостный, лукавый,

юморной кинтаури, это здесь трудилась, веселилась, кутила, шутила творческая душа солнечного Тифлиса, – и уходишь оттуда взволнованный и счастливый, готовый хоть сейчас снимать здесь что угодно честное о жизни этих красивых людей, и завидуешь тем, кто делает это – средствами кино живописует жизнь своего народа, подобно тому, как это делал кистью и красками бессмертный примитивист Пиросмани!

А грозный Метех, повыше Горгасали, напоминает о тех грузинских монастырях, которые защищали народ свой от иноземцев.

Сто сорок лет держал турецкую осаду армянский храм Звартноц и всё-таки пал.

Грузинские храмы и монастыри держали осаду по триста лет. И тоже были уничтожены свирепыми пришельцами.

«Тбилиси, Тбилисо» – это не что иное, как «Тпили-су» – «тёплая вода». Неудивительно, что в название кавказского города, ранее именовавшегося Тифлисом, т. е. опять-таки Тифли-су, легло тюркское слово. Что уж говорить о Тбилиси, если даже Северная Финляндия (Финн-ланд, земля финнов) зовёт себя Су-оми (вода – земля) – всё то же «су».

Гостиница «Тбилиси» располагалась на Руставели напротив тогдашнего дома ЦК и правительства (ныне здания парламента). Часто поздно вечером я ходил туда гулять – в огромный и тем не менее уютный внутренний двор, усаженный каштанами и платанами, кипарисами и магнолиями (здание охватывает двор с четырёх сторон, вход под арками фронтона). Никогда, ни днем, ни ночью, не встречал там милицию. Вообще, встретить милиционера в тогдашнем Тбилиси было почти невозможно, разве что на вокзале, в аэропорту или в здании какого-нибудь министерства. Но в самом городе я ни разу не видел милицию, хотя на площадях автомобили сновали, как атомы в броуновском движении: каждый ехал как хотел и куда хотел, о соблюдении рядности и говорить нечего, и тем не менее я не видел ни единой аварии, а в городе в целом – ни одного скандала и ни одного милиционера, равно как и пьяных грузин. Подгулявших – да, но пьяных! Если пьяный, то не грузин!

Проспект Шота Руставели берёт свое начало у площади – когда-то она называлась Армянской, потом – имени Сталина, позже – имени Ленина, теперь – Свободы.

На этой площади я заметил здание с мемориальной доской, надпись гласила: здесь, в Тифлисской духовной семинарии, учился

и окончил её с отличием великий вождь всех народов Иосиф Виссарионович Сталин.

Что касается «великого вождя всех народов», это я видел не раз, во многих городах, но то, что Сталин окончил духовную семинарию, да еще с отличием!

Ведь краткий курс истории ВКП(б) и краткая биография вождя утверждали, что Сталин был исключён из семинарии за участие в революционном движении. Значит, это не так?! Наверное, не так, если мать Сталина в письмах к нему настойчиво призывала его вернуться к церковной карьере! Диплом с отличием! Тогда ясно, почему так много клерикалов ожидали суперуспешной церковной карьеры юного Сосо Джугашвили, иные духовные пастыри видели в нём католика вся Грузии!

Иногда я вытаскивал в свои путешествия по городу звукорежиссёра Алевтину.

Идём с ней по вечернему, залитому огнями Тбилиси, внезапно за нами раздаётся: «Любуется столицей Грузии, да?» Молодой коренастый грузин подхватывает нас под руки и предлагает: «Давайте зайдём в ресторан, выпьем шампанского!»

Мы благодарим, но отклоняем предложение.

– Я плачú! – поясняет он, удивлённый нашим отказом.

Но мы так же вежливы и тверды: «Идти в ресторан с первым встречным?!»

Он немного разочарован, но благожелателен:

– Ну, не буду вам мешать, любуйтесь! Тбилиси – это маленький Париж, да?

– Очень красиво! – отвечаем мы, и грузин, попрощавшись, обгоняет нас, исчезает в толпе.

Благодаря расположению к гостям неизменно у всех кавказцев, особенно у грузин!

Но даже благорасположение к гостям не помогло моему знакомому ставропольскому радиожурналисту Вильгельму Рейнгольду получить адресованный ему денежный перевод.

В окошке тбилисского главпочтамта ответили, что из Ставрополя есть перевод, но адресат там другой – Вилингилт Рулингилт.

Бедному Виле пришлось звонить в Ставрополь, просить о телеграфном подтверждении, что Вильгельм Рейнгольдт и рождённый тбилисскими телеграфистами Вилингилт Рулингилт – одно и то же лицо.

Такую телеграмму из Ставрополя отправили, и на сей раз, слава богу, тбилисские телеграфисты не исказили ни буквы.

– Ва! – удивились на выдаче переводов. – Паспорт один, а людей два! Как так может быть?!

И вконец поиздержавшийся Виля, краснея от возмущения и бледнея от мысли, что опять могут не выдать денег, стал, торопясь и сбиваясь, объяснять: это ошибка местных телеграфистов, телеграмма подтверждает, что он – это он, он торчит здесь с позавчерашнего дня, он живёт рядом, в гостинице, это легко проверить, при получении денег он может написать свой домашний адрес, он приглашает в гости к себе. Ничто не помогало!

Вилю спас мой знакомый киношник Тенгиз.

– Ты меня знаешь? – спросил он женщину в почтовом окошке.

– Тебя знаю, а его – нет!

– Ты меня знаешь, а я его знаю! – торжественно произнёс Тенгиз и помахал рукой с отставленными в стороны большим и указательным пальцами и прижатыми к ладони тремя остальными.

– Ва-а! – не нашлась что ответить на этот убедительный аргумент женщина в окошке. И, обращаясь к Виле, сказала важно:

– Напиши: я, Вилингилт Рулингулт, получил перевод из Ставрополя – и укажи свой паспорт и адрес!

Виля поспешил все исполнить, и женщина – под упорным взглядом Тенгиза – выдала указанную в переводе сумму. Хорошо, что в цифрах не было искажения!

Обрадованный и все ещё не верящий в спасение, Виля много благодарил, а Тенгиз величественно обронил женщине «Дмадлобдт!» и махнул нам – за мной, мол, и напрямик повёл нас в тогда еще не знакомый нам бесподобный подвальчик «Дарьял», всё на том же проспекте Шота Руставели, и там радушно угощал нас грузинской застольной роскошью и напитком богов из винограда, произрастающего только на тридцати семи гектарах вблизи Тбилиси и нигде больше! Это вино для властей, ресторана и Дома приёмов на вершине Мтацминды и для «Дарьяла», где вместо столов огромные пни, а вместо стульев – пни поменьше.

Виля через несколько дней улетел в Ставрополь, а мы с Алевтиной продолжали трудиться над «Весёлыми рыболовами» и с каждым днем становились всё более грустными: работа над фильмом никак не заканчивалась, а вот деньги закончились!

В Пятигорске денег нет ни дома, ни на TV, даже зарплату не выдали никому. Что делать? Где жить? Чем питаться?

Спасла нас Алина подруга Зоя Ильинская – всю жизнь с благодарностью помню её: вместе с Алей она училась в ЛИКИ – Ленинградском институте киноинженеров, а теперь работала звукорежиссёром на тбилисском TV и, встретив случайно Алю, приняла в нас горячее участие. Алю она забрала к себе, а мне перепала однокомнатная квартира в новом районе Сабурталó, откуда её владелица, Зоина подруга и моя соплеменница, выехала на время к родителям, чтобы дать мне приют.

Аля от щедрот Зоиных питалась нормально, а я ел то, что нашёл в кухонном шкафу своей новой обители: муку и чеснок. Молодой желудок мало того что справлялся с этой, мягко говоря, нестандартной пищей – он требовал ещё и ещё!

А я уж всё съел и второй день питался водой, не святой, конечно!

И вот усталый после монтажной смены, голодный, схожу с троллейбуса, в котором из-за безденежья не беру билетов, на своей остановке в Сабуртало, захожу в огромный двор своего проживания и вижу внушительное свадебное застолье под открытым небом! Глотая слюнки, иду мимо длинного, человек на двести, стола, иду в «свой» дом, «свою» квартиру. Неожиданно меня хватают и усаживают за этот стол, где какая-то невероятная еда, от сациви до шашлыков и кебабов, мне наливают бокал вина и просят выпить за здоровье молодых! Я радостно благодарю за гостеприимство, произношу тост, выпиваю вместе со всеми, и меня усаживают за сациви! Чтоб я так жил! Меня не выпускают из-за стола, потчуют. Я пью всё новые и новые тосты, которые провозглашает пожилой тамада – он купается в своих речениях!

Через час я чувствую себя обпившимся и объевшимся! Я начинаю пропускать тосты и порываюсь уйти из-за стола, но меня не отпускают, а тамада из своего далёка, заметив мои протестные действия, кричит, царственно подняв правую руку с перстом, указующим на меня:

– «Боржоми» ему!

Мне наливают бокал «Боржоми», тамада показывает, чтоб я выпил его, – я пью. И тотчас всё оседает в желудке, и, пожалуй, я готов к новым подвигам на ниве выпивания и поедания.

Так бы изо дня в день! Но всё хорошее, да и плохое тоже, рано или поздно заканчивается.

Отшумела свадьба, но пришли деньги.

И теперь утром я мог позволить себе чай с хлебом и брынзой, а вечером, заглянув в бетонную яму танырщика – хлеб пекут тут же, швырком прилепив тесто к горячему боку печи-таныра, – кинуть вниз полтинник: «Батоно, эрти ахали пури! Уважаемый, один свежий хлеб!» И поймав брошенную мне восхитительно пахнущую горячую большую лепёшку, купить в магазине сулугуни, и пожалуйста, готов замечательный ужин на свежем воздухе: питьевые фонтанчики с вкусной тбилисской водой на каждом шагу. А поев, отправиться в своё дальнейшее открытие несравненного Тбилиси, где в каждом доме, каждой улочке, каждом сквере и каждом фонтанчике бездна вкуса и самобытности, где самый воздух напоён творчеством и свободой, свободой и творчеством, ибо эти понятия неразрывны, как неразрывен «Витязь в тигровой шкуре» с именем Шота Руставели, служившего при дворе царицы Тамары министром финансов, да продлит Господь всемирную славу его!

А в воскресенье я отправляюсь в Ваке – новый и, надо сразу сказать, прекрасный район Тбилиси.

Говорят, что Тбилиси построен руками армян, извечных строителей. Возможно, это и так, но архитекторы-то грузины! Чудесные, замечательные архитекторы, влюблённые в свой город, в свою Грузию!

А кладбище в Ваке, на верху горы, подковой охватывающей долину с домами! Вот где я понял роскошь Древнего Рима! Великолепные надгробья чёрного и белого мрамора, лишённые каких-либо оград, создают единый грандиозный ансамбль, тобой овладевает не только уважение к усопшим, сочувствие их родственникам, но и восхищение прекрасными скульптурными творениями, ещё раз подтверждающими талантливую душу грузинского народа, – это сильнейшее эстетическое впечатление.

В Грузии, как и везде на Кавказе, любят громкие европейские имена, здесь полно Офелий, Виолетт, Джульетт, Дездемон, Эсмеральд, Гамлетов, Альфредов, Адольфов, Рудольфов, Альбертов, Робертов, Вильгельмов...

Инженером звукоцеха на «Грузии-фильм» был Вильгельм Гоги-чайшвили!

Прекрасный специалист, трудяга, скромняга, он стал предметом насмешек молоденьких работниц: «Он честный человек – в партию вступил, да? Он хочет сказать, что он никогда не ворует, да? Как он тогда живёт?!»

Многое я увидел, когда Вильгельм, верный традиционному грузинскому гостеприимству, пригласил меня к себе домой, в недавно полученную им новую двухкомнатную квартиру в далеком Дигоми (повторяю, тогда там не было метро, и добраться туда и оттуда на редком переполненном рейсовом автобусе было сущей мукой): старая мать и аскетически бедная обстановка. На столе две тарелочки лобио, бутылка дешёвого сухого вина «Саэро» («Теперь такая эра: все пьют вино “Саэро”!» – шутил я) и, как везде на Кавказе, белый хлеб. Большого Виля не мог позволить себе, ибо жил честно, а значит, бедно. Честность и бедность в тогдашнем Тбилиси, городе жутких контрастов, – синонимы.

Сам дух Тбилиси вполне соответствовал анекдоту, в котором армянин, выходя из ресторана и получая свое пальто у гардеробщика, говорит, дав тому на чай пять рублей: «Сдачи не надо!» А грузин, дав на чай, бросает щедрое: «Пальто не надо!»

Никто никогда – ни в киоске, ни в магазине, ни на рынке – не давал сдачи с рубля, даже если заплатить надо было всего тридцать копеек. Никто из тбилисцев и не ждал сдачи. А вот приезжие, не зная тонкостей тбилисского существования, ждали сдачи и получали её вместе с ненавидящим: «Подавись!»

Многие тбилисцы жили впроголодь на зарплату в восемьдесят рублей, покупая самое дешёвое в магазинах, т. к. на рынке, к примеру, курица стоила тридцать рублей! Рацион многих бедняков состоял из хлеба с водой, лобио да изредка брынзы или сулугуни. Даже на пачку чая хватало далеко не всегда.

И в то же время немалое число горожан щеголяло в драгоценностях и мехах, устраивая шикарные застолья для званых гостей!

Обычно это были те, у кого сельские родственники имели мандариновые, ореховые сады: продажа урожая приносила ежегодно шестьдесят-семьдесят тысяч рублей – гигантские деньги в советское время. Городские родичи «доставали» для деревенских автомобили, импортную одежду и обувь, получая за это немалую мзду.

Но многие шиковали в долг. Там занять, тут занять, туда отдать, сюда пока не отдавать, а позвать гостей: пусть видят, что он живёт не хуже других! Это выпендривание друг перед другом тоже было неотъемлемой чертой Тбилиси. Впрочем, это присуще многим кавказцам – во все времена: пустить пыль в глаза, а потом перебиваться с хлеба на воду.

И в далеком спальном Дигоми, и в центре, в закоулках-переулках, сбегающих к реке, или, наоборот, в зигзагах улочек, поднимающихся от Куры, – везде в Тбилиси ранним утром звучит пронзительное: «Мацони!» – с ударением на «и».

Я с балкончика высокого этажа гостиницы «Тбилиси» вглядываюсь в ломаные линии улочек: кто кричит? Где эта звонкоголосая труженица-мацонщица – неотъемлемая часть прекрасного Тбилисо? Вглядываюсь – и не вижу её, но она везде: в Ваке и Сабуртало, у подножья Мтацминды и надречном Метехе, у Нарикалы и в Авлабаре – ранним петушком будит огромный город неведомая мне, но так хорошо известная тбилисцам звонкоголосая вокалистка-мацонщица!

В другой свой прилёт в Тбилиси я жил в гостинице «Иверия», и с моего высокого балкона открывался дивный вид на Куру (иногда грузины зовут её Мтквარი) – на заречье и на брусчатый спуск, где был сбит машиной велосипедист Аршак Тер-Петросян, знаменитый «экс», в честь которого отец хотел назвать меня его революционным именем – Камо! «Что это за имя такое?! – возмущалась мама. – Как же мы его ласково будем звать?» «Камочек!» – отвечал мой весёлый родитель.

Слава богу, нашлось для меня иное имя, трудновато мне с ним в России бывало, но все-таки лучше, нежели Камо, все-таки в честь знаменитого трагика, а не «экса».

Оператор тбилисского TV Тельман Чикваидзе, работавший у меня на документальной картине оператором синхронных съёмок (снимали на Ставрополье), встретил меня и звукорежиссера Володю в аэропорту, отвёз и определил в гостиницу «Иверия», а вечером повёл в зланный подвальчик на Плеханова.

Подвал назывался «Земной рай», множество округлых арочных сводов создавали особую атмосферу тепла, уюта и простора одновременно, а массивные, как в русских теремах, опоры поддерживали общий свод и как бы делили всё пространство на залы. Но самое главное, из-за чего здесь и вправду похоже было на рай, – это стены, расписанные самим Нико Пиросмани! Стены, с которых вас приветствуют кинто и буйволицы, грозди винограда и огромные чури с маджар – молодым вином, ломти сулугуни и палки чурчхелы – вас приветствует сама Грузия, воплощение земного рая!

Говорят, Господь Бог, создав Землю, всякому народу дал свой уголок, но забыл о грузинах! И тогда они пожаловались ему: «Как же так, у всех есть земли и воды, а у нас нету?!»

Осознал Бог свою промашку и отдал грузинам то, что приберегал для себя: самое лучшее!

– Батоно! – прервал мои мысли Амвросий. – Ты не пьешь, не ешь, о чём думаешь? – укорил он меня.

– Да так...о Тбилиси!

– Вах! Как можно вспоминать то, о чём всегда помнишь? Наполнить бокалы! Пьём за Тбилиси, ибо нет города благословенней его!

По воскресеньям я часами сидел на скамеечке у ног «Матери-Грузии» – гигантской склёпанной из дюрала скульптуры на холме возле Мтацминды: любовался панорамой Тбилиси.

Позднее подобные скульптуры появились в переимчивой Армении и других республиках.

Но Грузия была первой, кто возвёл этот символ сыновней и дочерней любви к своей Матери-Родине.

За столом все говорили разом, был уже тот градус общения, когда беседуют о сокровенном.

Я прислушался к разговору Валико и Марлена.

– Шота прав, – говорил Валико. – Дело тут не в том, что этот камень грузинский. Дело в том, что это камень моей Родины. И потому он дороже мне замков Европы, они для меня чужие. Конечно, это не значит, что, если какому-то замку Европы будет грозить опасность, я, чтобы спасти его, не отдам камень моей Родины. В конце концов, все народы – одна семья. Но этот камень – мой камень, грузинский! Краеугольный камень!

«С позволения тамады!» – попросил слова Георгий. И когда Амвросий милостиво кивнул, сказал: «Я хочу выпить за людей, которые собрались за этим столом! Потому что все они – люди...»

– Талантливые! – прервал его Каждан.

– Нет! – поморщился Георгий. – Я столько талантливых подлецов навидался!.. Потому что все за этим столом – люди искренние! За искренность в наше фарисейское время!

Выпили за искренность, и спустя минут пять, не дожидаясь крика «Тамáда чáнчала!» («Тамада заснул!»), Амвросий обратился к хозяйке дома: «Калбатóно Валя!»

Валя вдруг засмеялась, а вслед за ней раскатился Шота. Смеялись они дружно, заразительно, и все, улыбаясь, смотрели на них заинтересованно. Амвросий ждал удивлённо. Наконец Шота, отсмеявшись, пояснил: «Валя, в общем, сносно говорит по-грузински». «Кáрги,

батано!» – не замедлила подтвердить Валентина. Шота опять было засмеялся, но всё же продолжил: «Мы были с ней в Тбилиси в одном большом доме. Говорили все по-грузински, и Валя тоже. Она знала, что «батано» – это господин, уважаемый. И слышала, что к женщине обращаются почти так же, только перед «батано» что-то добавляют.

– Я решила, что раз мужчина – «батано», то женщина – полбатона!

Общий смех почти заглушил её продолжение: «И сказала хозяйке дома не «калбатано Этери», а «полбатона Этери»!

– С тех пор Валю в Тбилиси зовут Полбатона! – на общем хохоте закончил Шота.

– Полбатона Валя! – тут же обратился Амвросий.

– С позволения тамады! – прервал его Марлен. Амвросий недовольно воззрился: прервать тамаду!.. Но всё же кивнул Марлену. И тот, явно отбирая хлеб у тамады, возгласил:

– За хозяев дома! За Валю и Шота – за нестандартных людей, которые живут в стандартных квартирах!

– Молодец, Марлен! – восхитился Амвросий, и снова зазвенели бокалы, а Георгий запел: «Мраважалмиер!», и все подхватили: «Мрава-мрава-жалмиер!» – «Многая лета!»

Валя и Шота, смущённые, поднялись из-за стола и благодарили, а все подходили к ним, обнимали и целовали дружески, желали им: «Мраважалмиер!»

А Марлен вновь поднял бокал:

– Я нарушил обычай: вначале пьют за тамаду, а потом за хозяев дома! Простите меня и давайте все выпьем за тамаду! Наполнить бокалы!

И когда бутылки сделали своё дело, Марлен подошел к Амвросию:

– Благодарю тебя, тамада, за ту радость, которую ты доставил нам своим присутствием за этим столом, за твои весёлые и мудрые тосты! За то, что ты дал сказать всем, кто хотел сказать! За тебя, Амвросий!

И тогда все подошли к Амвросию, и каждый благодарил его и пил за его здоровье!

– И ещё один тост! – обратился ко всем Марлен. – Дорогой Валико!

Все глянули недоумённо: «А Валико тут при чем?»

Но Марлен – хоть бы хны – продолжал:

– Ты снял замечательную ленту «Тбилисские зурначи». Твои старики-зурначи, устав от жизни, прислонились спиной к могучему дереву, и камера с их лиц тихо ушла на крону и небо: так мудро ты показал их

переход в мир иной!.. Но разве все мы здесь не зурначи? Разве мы, каждый в меру сил и способностей, не славили жизнь и не говорили правды о ней? Я прошу поддержать меня и наполнить бокалы, я хочу выпить сейчас финиш-тост, может быть, главный тост: за честность, которая всегда жила в наших душах, за честность, которая сделала нас художниками, а не малярами!

За окном электрички проплывала золотистая подмосковная осень. Я видел и не видел её: передо мной был вдохновенный лик Марлена, так хорошо знакомый всем, кто любит кино, передо мной были лица моих друзей-грузин и всё это застолье и звучал частый смех хохотушки Вали, так естественно вписавшейся в эту грузинскую среду, будто она и родилась тут: среди грузин немало светловолосых и голубоглазых. Передо мной был мой Тбилиси!..

Тбилиси, милый Тбилиси, любимый мой Тбилисо – новый сад с сединою Мтацминды, – как ты там?

ГАЛИНА РОМАНОВА

СПАЛЬНЫЙ ГАРНИТУР

Рассказ

Шестьсот семьдесят рублей – столько было накоплено, чтобы купить мебель в новую четырёхкомнатную квартиру, которую они должны были получить в следующем, 1970, году. Сашок (так она называла своего мужа наедине) и Санёк (так звал её он, когда они оставались вдвоём) мечтали, что у них будет своя спальня, а в ней – красивый спальный гарнитур с двумя кроватями.

Она медленно пересчитала деньги, хотя точно знала, сколько их – шестьсот двадцать оставшихся после двух поездок к московскому профессору рублей. Вдохнула. Водитель грузовой машины стоял

Галина Александровна Романова – поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, член Московской городской организации СП России, член правления ЛИТО «Метафора» городского округа Балашиха. Работает директором по связям с общественностью на предприятии авиационной отрасли, редактор корпоративной газеты. Автор книг «Хрустальная капля» (поэзия, проза, публицистика), «Под ливнем дней» (поэзия). Участник ряда сборников и альманахов, печатается в периодических СМИ. На её слова написано около 50 песен и романсов, которые исполняются на различных мероприятиях, вечерах, концертах. Галина Романова проводит литературные встречи в различных аудиториях. Лауреат и дипломант ряда конкурсов. Имеет многочисленные награды за профессиональную, общественную и литературную деятельность.

в коридоре у входной двери. Машину, чтобы съездить за спальным гарнитуром в Москву, дал друг мужа – директор совхоза, куда пропалывать грядки и убирать урожай посылали заводчан, а Александру Васильевичу как партийному секретарю частенько приходилось организовывать бригады.

– Санёк, покупай с двумя кроватями. Без гарнитура не приезжай, а то на все деньги куплю себе самую дорогую зимнюю шапку, – шутиливо напутствовал муж.

Всю дорогу до Москвы Александра Николаевна молчала и думала о своей жизни с Сашей. Ей вспомнилось, как он подошёл к ней на танцах в педучилище и дёрнул за косу. Она резко оглянулась и увидела солдата с пшеничными волосами и светло-голубыми глазами. Он так задорно улыбался, что отчитать его не захотелось, тем более что он уже стремительно уводил её в толпу танцующих. Отслужив срочную, он увёз её, ставшую за это время дипломированным дошкольным педагогом, в свой город, где до армии работал учителем математики.

Она вспомнила, как они поругались, когда их первая дочка Галченок под смех родителей, хохоча и бегая от одной железной кровати, на которой сидела мама, до другой, где лежал папа, стукнулась лбом о раму отцовской кровати, хлопнулась на пол и заревела. На лбу вздувалась громадная шишка, родители обнимали дочку и выясняли, кто виноват, кто первый затеял эту беготню. Вот тогда-то у них вместо этих двух односпальных железных кроватей из общежития завода, на который после армии устроился Сашок, появилась полуторная кровать с панцирной сеткой. Купили с первой же зарплаты. Вспомнила, как они на этой «полуторке», уложив на диване двух своих дочек, а появилась ещё и Люсенька, до полуночи шептались о рабочих делах. Санёк была на шесть лет моложе мужа, но он прислушивался к её мудрым женским советам. Например, однажды рассказал, что к нему ходят по очереди жаловаться друг на друга два члена партии, которые живут в соседних собственных домах на Хапке (так называли в народе посёлок из частных домов). Она ему посоветовала: «Придёт к тебе жалобщик, а ты ему дай лист бумаги и ручку. Напиши, мол, всё письменно, подробно, а я подумаю, разберусь». Письменно писать никто не хотел. Так и отвадились. Вспомнила, как он привёл домой толпу институтских друзей-вечерников после какого-то экзамена. Счастливый, всё призывал: «Давайте споем мою любимую "Я люблю тебя, жизнь"!» Они пели: «... и надеюсь, что это взаимно...».

Она не могла понять, почему, почему именно сейчас, когда всё наладилось... В аспирантуру её Сашок поступил. Квартиру отдельную вот-вот должны были дать. Даже сын, о котором Сашок так мечтал, у них теперь есть – будущий Александр Александрович! А у Сашка такая болезнь обнаружилась.

Весь день они с шофёром ездили по московским мебельным магазинам. Она то смотрела в заранее составленный список с адресами, то спрашивала у кого-нибудь рядом с очередным магазином:

– А где здесь ещё есть мебельный?

Спальный гарнитур не находился. В некоторых магазинах лежали на кроватях бумажки «Продано», в некоторых просто отвечали:

– Ничего нет.

– Ну что, Александра Николаевна, домой будем возвращаться? – осторожно спросил шофёр.

Они выехали на шоссе, и вдруг Александра Николаевна увидела на углу одного дома вывеску «Мебель».

– Давай зайдём напоследок!

В магазине её встретил молодой человек. Чуть-чуть полноватый, гладкое добродушное приветливое лицо. Она, измученная за день и почти потерявшая надежду, просто потому, что ей хотелось высказаться, обратилась к нему:

– Молодой человек, послушайте меня, пожалуйста! Люди приходят к вам с радостью, а я – с горем. У меня муж умирает. Мы копили с ним деньги, чтобы купить спальный гарнитур в новую четырёхкомнатную квартиру, которую нам должны были дать через полгода, когда новый дом сдадут. Но вот так получилось, что мужу стали делать операцию, а оказался рак желудка. Выписали умирать домой.

И она рассказала, как с друзьями мужа ходила на приём к директору завода, как он дал распоряжение срочно выселить в гостиничный номер соседку из третьей комнаты старой квартиры, в которой семья живёт сейчас в двух смежных комнатах. Соседке завод дал гарантийное письмо, что она получит однокомнатную квартиру в том самом доме, куда планировали переехать они.

– И вот теперь у нас появилась спальня, – продолжала женщина. Муж хочет, чтобы был гарнитур с двумя деревянными кроватями. Послал меня покупать. А какой гарнитур?! Я же знаю, что жить мужу осталось всего месяц-два, как сказали врачи, а у меня трое детей. Мне эти деньги ещё очень понадобятся.

Александра Николаевна на несколько секунд остановилась, потому что поймала себя на мысли, что она сказала «а у меня трое детей», как будто мужа уже нет, как будто она уже представляет себя одной.

– Но не могу же я ему этого сказать! – продолжала женщина. – Слёзы внутри льются, а я скрываю, держусь. Вот сегодня с самого утра еду по мебельным и не могу найти спальни. Молодой человек!.. – слёзы не удержались внутри, выступили на глазах женщины, потекли по горящим от волнения щекам. А взгляд она не отрывала от глаз продавца.

– Пойдёмте со мной! – его голос был растроганно-мягким. Продавец повёл её в подсобку. – Вот смотрите: румынский гарнитур. Две кровати...

– Беру! Беру! Больше ничего не показывайте. Выписывайте! Сколько он стоит?

– Шестьсот десять рублей.

Продавец дал грузчиков. Они погрузили трёхстворчатый шкаф, две односпальные кровати, две прикроватные тумбочки, трюмо и пуфик в машину.

– Спасибо вам, молодой человек! Мне очень хочется вас отблагодарить. Но вот у меня осталось только десять рублей. Возьмите!

– Да что вы! Зачем? Не надо!

Она сунула эту свою последнюю десятку в карман его синего халата, свернув её от волнения пополам, потом ещё раз пополам, и опять сказала:

– Спасибо! Спасибо вам! Вы не представляете, что вы сейчас сделали!

Всю обратную дорогу Александра Николаевна, произнёсшая по пути в Москву от силы два слова, говорила.

Она рассказывала шофёру, как они поехали этим летом с мужем и пятилетним сыном на море в Сочи, в Лазаревское. Муж, любивший загорать, через несколько дней после приезда стал чувствовать боль в желудке. Иногда боль становилась очень сильной. Когда приехали домой, она отправила своего Сашка к участковому терапевту. Сделали рентген, и терапевт сказала:

– Нет ничего. Это гастрит просто, нужна диета.

Боли, несмотря на каши и паровые котлеты, продолжали усиливаться. Через месяц сделали повторный рентген, и было обнаружено затемнение – опухоль.

– Срочно на операцию! – направил хирург.

– Как вы заметили эту вывеску «Мебель»? Она же такая бледная была рядом с сияющими «Электротоварами», – хотел отвлечь её шофёр.

– Сама не знаю. Вдруг как-то бросилась в глаза, – ответила пассажирка и продолжила печальный рассказ. – Операция показала: рак. В последней стадии. С метастазами. Разрезали и зашили. Выходит ко мне хирург, заведующий отделением, и говорит, что он очень хотел помочь, но не смог спасти моего мужа, что уже ничего нельзя сделать, что слишком поздно. Постоял, как-то по-дружески положил руку мне на плечо и добавил: «Вчера привезли мне по скорой какого-то забулдыгу с автобусной остановки, прооперировал. Так вот, будет жить... Вашего мужа, поверьте, я очень хотел спасти, а он умрёт». Тут и прозвучал этот приговор: «Месяц-два, не больше». Муж-то не знал, что мне всё уже объяснили, и попросил доктора на следующий день после операции: «Жене всю правду скажите. Она у меня сильная, всё выдержит. Трое детей у нас. Две дочери и сын». А лет мужу моему... сорок в декабре должно исполниться. Как, как жить без него?

– Мы уже подъезжаем, – тихо сказал шофёр.

Она не раз за шестнадцать лет совместной жизни удивлялась своему Сашку, его жизнерадостному нраву, умению ладить с людьми. Вот и сейчас он встретил её словами: «Что, привезла? Эх, не удалось горностаевую шапку заиметь!» И продолжил, обращаясь к двум своим товарищам, которые пришли его проведать и ждали возвращения Шуры из Москвы: «Подсобите, ребята».

Мебель подняли на четвёртый этаж, помогал шофёр, а дочка принесла пуфик и выдвижной ящик от трюмо. Гарнитур встал на своё место, и довольный хозяин воскликнул, обняв хозяйку: «Как тут и был!» Маленький Сашулька прыгал то на одной, то на другой кровати. Ругать его не было сил.

Потом все, кроме шофёра, который спешил домой, сели ужинать за накрытый девчонками стол, хвалили полировку гарнитура, поздравляли с новосельем и говорили, что надо бы ещё ковёр на стенку прибить.

Александра Николаевна думала, что заснёт мёртвым сном, но всякие мысли всё лезли и лезли в голову. Перед глазами стояло лицо этого парня-продавца. «Есть же хорошие люди! – сделала она вывод, но тут же возник образ московского профессора.

Она, хватавшаяся последние три месяца за любую соломинку, сразу же, как только дали адрес, а это было ещё до операции, поехала по нему, взяв двадцать рублей. О профессоре говорили, что он спасает даже безнадежных раковых больных. Она поехала одна, ничего не сказав больному. Квартиру в доме сталинской застройки открыла ухоженная черноволосая женщина, провела просительницу в кабинет, где навстречу ей встал показавшийся тогда интеллигентным профессор. Он пригласил её присесть и стал расспрашивать. Александра Николаевна вначале рассказала всё о болезни мужа, показала медицинские документы, которые у неё были. Потом, как доказательство того, что её Санька, Санёчка надо было обязательно вылечить, стала говорить, что у неё трое детей, младшему всего пять, что их ещё растить да растить, что мужу в декабре только сорок лет исполнится, что он учится в аспирантуре, что он уже преподаёт в институте, что обе девочки у них отличницы, что ему надо, надо выжить. Она просила помочь, спасти мужа. Профессор посочувствовал, сказал, что больного привозить не обязательно, что надо исследовать рвотную массу, чтобы решить, какое лечение применить. Взял десять рублей за приём. Через день с укрытой полиэтиленом майонезной баночкой, завязанной по горлышку отрезком красной тесьмы на тугой бантик, она вновь поехала к профессору. Дверь открыла та же женщина, в прихожую вышел профессор.

– Вот, я привезла, как вы велели, – тихо проговорила просительница.

Жена профессора взяла баночку и поставила на столик.

– Погуляйте, пожалуйста, два часа и приходите, за это время анализ будет готов, – произнёс профессор.

Александра Николаевна ходила вокруг дома, вдоль улицы, стояла на детской площадке, разглядывала сквозь решётку территорию детского сада, смотрела в витрины магазинов. Время, которого ей обычно не хватало, на этот раз тянулось и тянулось; она то и дело заглядывала под рукав пальто, прикрывавший ручные часы, которые Сашок подарил ей в марте на день рождения. Всё! Два часа прошло.

Дверь открыла жена профессора. Профессор вышел с маленьким пузырьком из-под пенициллина, в котором была какая-то мутная жидкость.

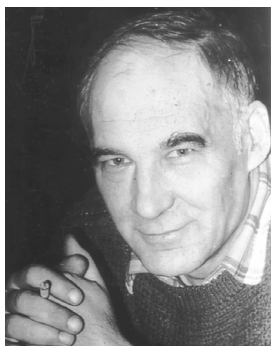
– Это новейшие уколы, – пояснил он. – Надо разделить на десять уколов.

Она увидела, что привезённая ею баночка стоит на столике в том же самом месте, с тем же самым, не тронутым, бантиком. Она протянула руку и взяла пузырёк с мутной жидкостью. Жена профессора сказала:

– За анализ – десять рублей, за лекарство – тридцать.

Она поняла, что Санёк умрёт.

Прислушалась: он дышал на своей кровати почти не слышно. В спальне уже посветлело. В блестящих створках платяного шкафа нового спального гарнитура отражался восход. Она потихонечку встала и подошла к трюмо. Ей было тридцать три года.

ЛЕОНИД СЕРГЕЕВ

ОДИНАКОВЫЕ СНЫ

В шесть лет я ежедневно играл свадьбы: пять минут поговорю с какой-нибудь девчонкой, и мы уже муж и жена. «Накупим детей», построим шалаш, натаскаем в него моркови, репы, сидим под навесом, грызем овощи – настоящий рай в шалаше. Так и играли, а чуть повздорим – сразу развод. Наверно, тогда, в детстве, я израсходовал свой лимит семейной жизни – столько навывяснял отношений, что, повзрослев, стал побаиваться брака.

А тут еще родственники подлили масла в огонь.

Мать говорила:

– Избегай девушек с крапинками в глазах – они колдуньи. И с родинками на правой щеке избегай – приносят несчастье.

А тётка вразумляла меня:

– Бойся девушек с пепельными волосами – они не преданны.

А дядька добавлял:

– От женщин с красивыми руками беги – плохая судьба. Верный признак.

Сергеев Леонид Анатольевич – прозаик, член Московской городской организации Союза писателей России. Родился в Москве в 1936 году. Литературой занимается с начала семидесятых годов. Первые книги написал для детей и подростков. Лауреат премий им. С. А. Есенина и А. Н. Толстого, диплома первой степени «Золотое перо Московии», победитель Всероссийского конкурса на лучшую книгу о животных 2004 года. Автор книг «В полдень на улице», «Летние сумерки», «Самая счастливая, или Дом на небе», «Вперед, безумцы!», «До встречи на небесах!», «Особняк в городе» и др.

Запугали меня так, что я долгое время весь женский пол обходил стороной.

Я приехал в Москву из Казани, остановился у тётки, устроился работать на почту при кинокопировальной фабрике; днём развозил по вокзалам киноленты, по вечерам писал натюрморты – готовился поступать в художественное училище. Первый, «карандашный», экзамен (гипс) я нарисовал неплохо, второй (живопись) тоже каким-то образом вытянул, и меня зачислили на декоративный факультет. Я распрощался с тёткой и поселился в общежитии училища.

До начала занятий оставалось какое-то время, и я с приятелями из общежития подрабатывал на овощной базе. Заведующий базой, толстозадый мужчина с оплывшим лицом, беззлобно называл нас «голодранцами»; в обеденный перерыв кидал на стол десятку и подмигивал:

– Ну, художники-голодранцы, давайте: один – горячее, другой – закуски. Искусство надо поддерживать, правильно я говорю?! Художество – дело святое (он прямо упивался своим богатством и нашим безденежьем).

В последний день нашей работы завбазой почесал затылок:

– Где бы устроить вам прощальный ужин?

Мы не раздумывая предложили «Метрополь» – верх престижности, по нашим понятиям.

– Да ну-у, – поморщился завбазой. – Пойдём в «Поплавок» (у него были свои понятия о престижности).

Когда мы прикатили в плавучий ресторан у Крымского моста, к нам подбежал сам директор, откуда-то из запасников притащили икру, миноги; весь вечер завбазой швырял деньги официантам, цыганам, а нам подмигивал:

– Красиво жить не запретишь, правильно я говорю?! Когда станете знаменитыми, не забывайте, кто поддерживал искусство!

На первом же занятии в училище преподаватель живописи сутулый, почти горбун, старик с пухом на голове сказал мне:

– Вы неплохо компоуете предметы на плоскости, но ваш дикий цвет никуда не годится. Конечно, вкус вырабатывается опытом, но нужно учиться чувствовать природу вещей, находить им пластические эквиваленты, запоминать благородные сочетания цветов...

Целый год я ходил в музей изобразительного искусства, изучал импрессионистов и в конце концов пришёл к пониманию цветовых решений. Даже «горбун» меня похвалил:

– В ваших работах появилась некоторая притягательность, это уже заявка на серьёзность. Теперь предстоит главное – создавать собственную идею совершенства и искать свою манеру для её воплощения.

Как я ни старался, собственная «идея совершенства» в искусстве ко мне никак не приходила, а в жизни пришла сразу – в нашей группе было много «совершенных» девушек, и они вызывали у меня нешуточное волнение. Конечно, помня заветы родственников, я был осмотрителен – в каждой сокурснице выискивал какие-нибудь опасные признаки и, естественно, находил; тем не менее то одной, то другой пытался назначить свидание, но делал это довольно неуклюже:

– Давай вечером где-нибудь посидим, выпьем винца, – говорил я.

А сокурсницы были москвичками, и их отпугивали мои провинциальные замашки. К тому же они, всезнающие, практичные, и не собирались встречаться с бездомным и безденежным парнем из общаги. Ну и главное – я ходил в середнячках, а в группе были по-настоящему талантливые парни. Короче, потерпев несколько поражений подряд, я приуныл и на некоторое время поставил крест на личной жизни.

После окончания училища меня распределили в детский театр. Как декоратор я получал сто рублей; двадцать платил за комнату, которую снял на окраине у платформы Яуза в одном из деревянных домов, остальных денег еле хватало на еду, сигареты и проезды.

Декоратор в театре – это только звучало. Я настроился в театре найти «идею совершенства», а получил обычную малярную работу: рабочие сцены раскладывали декорации в «кармане» за сценой, я составлял в вёдрах колера и огромными кистями-«дилижансами» освежал «стены», «деревья», «кусты» – мазал фанеру однотонными красками. Крайне редко выпадала творческая работа: обновление какого-нибудь задника – холмистого ландшафта с замком или морского пейзажа. И каждый вечер приходилось дежурить на спектаклях, на случай срочной подмалёвки во время установки декораций.

В театре я подружился с рабочим сцены Гошкой, беспокойным, с бледным лицом и хилого телосложения. В отличие от меня он не курил и не выпивал – его организм не переносил спиртное, он даже от фруктовой воды шатался. Гошка работал в театре два года и на правах старожилы вводил меня в курс дела:

– ... Конечно, в театре интересно, но и много фальши, – и дальше выдавал мне «ценную информацию» (попросту театральные сплетни), чтобы я «лучше ориентировался в среде».

Гошка чуть ли не ежедневно менял костюмы – носил реквизитные, с номерами на подкладке (его мать в каком-то театре работала костюмершей); у него был целый шкаф прокатных шмоток, кое-что он великодушно предлагал носить мне, но я отказывался – не по каким-то там этическим соображениям, просто боялся испачкать красками.

Гошка имел явные актёрские способности, об этом говорили все и больше других – его мать: она вполне серьёзно считала его гением и называла поэтично «васильковым мальчиком». Окончив школу, Гошка поступал во ВГИК, прошел три тура, но недобрал одного балла. После экзаменов в дирекцию ворвалась его бабка и учинила там скандал.

– Это безобразие! – кричала визгливым голосом. – Мой внук не мог провалиться! Его нарочно срезали! Кто-то пропихивал своих! У вас здесь не конкурс молодых людей, а конкурс родителей!

– Ну что вы говорите, бабуся! – успокаивал ее директор. – Ваш внук способный, мы обязательно его примем. Ему нужно только ещё поработать над...

– И слушать ничего не хочу! – не унималась бабка и изо всей силы стучала зонтом по столу. – Я буду жаловаться министру!.. – она схватилась за сердце и, охнув, опрокинулась в кресло.

Принесли валидол, мокрое полотенце, вызвали скорую помощь, и вот когда врачи поволокли ее к машине, она... сняла платок, а вместе с ним маску, и бабкой оказался... Гошка.

– Спасибо за помощь, – сказал, спрыгнул с носилок и исчез.

Ему позвонили, объявили, что зачислят в студенты, но Гошка швырнул трубку – решил поступать в другой вуз. Мать чуть ли не на коленях упрашивала его, но Гошка был самолюбив и обидчив до чёртиков.

Он устроился рабочим сцены в детский театр и в одном спектакле даже играл Бармалея, и постоянно ходил с синяками на лице.

– Ребята пуляют из рогаток, – объяснял несведущим. – Это хорошо. Значит, мой Бармалей что надо!

У Гошки было немало знакомых девчонок, в основном из числа театральных фанаток, он доставал им пропуска на спектакли, а после спектакля то одну, то другую приглашал к себе.

– Всякая любовь не зря, – объяснял мне. – То, что не успел отдать одной, отдаёшь другой. Получается как бы продолжение чувства. Тем более что они у меня все одного типа... У многих блуждающий вкус, им нравятся всякие, а я люблю определенный тип девчонок.

Гошкина мать, как и её сын, была неплохая актриса; во всяком случае с Гошкиными подружками она играла прекрасно. Здесь они семейно разработали все мизансцены. Не раз Гошка приводил домой какую-нибудь девицу и говорил:

– Мама, познакомься: моя невеста.

И мать всплёскивала руками:

– Ой, Гошенька, наконец-то!

И целовала девицу, и принимала точно родную дочь, и весь вечер сулила ей счастливую жизнь, а через неделю, если Гошка хотел «порвать роман», его мать не церемонилась с «невестой» и холодно отвечала по телефону:

– Гоши нет дома, и вообще, девушка, не будьте навязчивой и не мешайте моему сыну готовиться в институт.

Раза два Гошка знакомил меня с «театралками», но рядом с ним, артистичным, я, «художник-голодранец», естественно, сильно проигрывал, и дважды девчонки со мной не встречались.

Однажды Гошка серьёзно влюбился в какую-то актрису и каждый вечер бегал выяснять с ней отношения; после работы сразу прощался со мной и бежал в метро.

– Опять выяснять? – спрашивал я.

– Да, кое-что ещё недовыяснили.

Я никогда не видел той актрисы и уже подумывал, что Гошка попал в какую-то картёжную компанию или, что ещё хуже, пристрастился к игре на ипподроме (по слухам, это затягивало на всю жизнь), но потом отбросил эти версии: Гошка слишком любил театр, чтобы разделять эту любовь ещё с чем-либо, разве что с девицами. Но и здесь он вскоре поумнел – через год, после многочисленных выяснений с актрисой, заявил мне:

– Знаешь, все-таки встречаться с одной девчонкой лучше – она больше раскрывается... вроде жизнь наполняется смыслом. А сегодня одна, завтра другая – получается просто спортивный интерес.

Эта Гошкина любовь чуть не привела к свадьбе, но ей помешала Гошкина мать – она не собиралась отдавать своего «василька» «разным хищницам». По её понятиям, все современные девицы делились на две категории: на явных и скрытых хищниц. «Эта из скрытых», – твёрдо заявила она, как бдительный страж независимости сына, и Гошка поверил.

Гошкина мать не теряла надежды увидеть сына «известным актёром» и изо всех сил проталкивала его в «театральные круги»;

по пятницам устраивала «творческие встречи» – приглашала актёров, музыкантов и прочих «нужных» людей. Среди гостей бывали и Гошкины приятели, которые обещали стать «известными». По мнению Гошкиной матери, мне это «не грозило», но всё же она считала, что у меня есть кое-какие способности (Гошка показывал ей мои эскизы декораций). Ну а я не пропускал пятниц, потому что на них можно было плотно поесть. Сам Гошка «творческие вечера» всерьёз не принимал и не верил, что мать устраивает их ради его карьеры.

– Она просто бурно расстаётся с молодостью, – говорил он.

Однажды на Гошкин день рождения у них, как всегда, собралась театральная публика. Я появился позже всех, после спектакля. Дверь мне открыла Гошкина мать и без особого энтузиазма протянула:

– А-а, это ты! Проходи.

Я переступил порог и шёпотом спросил:

– Ну как, еще не влезли?

Гошкина мать всё боялась, что к ним влезут воры, запиралась на десять замков, а я при каждой встрече подогревал её страхи и рассказывал о грабежах у нас за городом.

– Нет ещё. Проходи, проходи. Гоша там.

Мой друг стоял посреди общества в такой балетной позе – пятки вместе, носки врозь – и читал стихи. Он имел привычку читать стихи и когда просили, и когда не просили, при этом всегда смотрел поверх слушателей, словно что-то рассматривал вдалеке; заметив меня, кивнул и продолжал тараторить.

Я примостился на краю дивана.

Когда Гошка закончил, поднялся один актёр с глубоко сидящими глазами и начал что-то молоть о композиции и сверхзадаче (Гошкина мать достаточно точно называла его «замысловатым человеком»). Актёр бурчал невнятно – казалось, набил полный рот камней. После него заговорил ещё один тип; торжественно-загробным голосом начал нахваливаться Гошку (Гошкина мать называла его «утончённым человеком» и разговаривала с ним заискивающе-размягчённым тоном, всем своим видом выказывая немислимое почтение).

Я в унылой задумчивости уминал всё подряд, что стояло на столе; нагрузившись, откинулся на спинку стула и только тогда заметил, что все уже отошли от стола и курят в прихожей – устроили дымо-

вую завесу. За столом кроме нас с Гошкой оставалась только девица в платье «под старину»; у неё были медные волосы и квадратные очки. Почему-то сразу подумалось: «Красивые очки много значат; даже когда в лице ничего нет, смотришь на очки».

– Это твоя актриса? – шёпотом спросил я у Гошки.

– Нет, что ты! Моя на гастролях. А эту сам вижу впервые. Наверно, с кем-нибудь из актёров.

Девица перегнулась через стол и обратилась к Гошке:

– Где мы могли видетсья? На вечере Достоевского? О, когда я погружаюсь в Достоевского, для меня уже не существует действительность... Думаете, со мной всё ясно? Ничутьки! Вы, мужчины, странные. То, что вам в женщине кажется сложным, на самом деле просто, а то, что, думаете, просто, оказывается сложным, – она хохотнула и продолжала пытаться Гошку. – Вам нравится Друсиловский?

– Кто это? – поморщился Гошка (его душа явно была где-то на гастролях с актрисой).

– Да вон же он! О-о, это личность! Он каждую весну начинает новую жизнь... Делает работы в новом стиле, заводит новую симпатию...

«Дешёвое пижонство», – подумал я и отошёл к окну.

Надвигались летние сумерки – виднелось низкое солнце, и окна домов блестели, как слюда. В конце улицы зажглась реклама парикмахерской.

Я несколько раз бывал в ней, и всякий раз меня стригла хорошая девчушка с завитками на лбу. Как-то мы разговорились, и оказалось, она тоже загородница – жила по моей ветке, чуть дальше Язуы. Я всё собирался назначить ей свидание, но каждый раз её поджидал какой-нибудь парень.

И вот, стоя у окна, разогретый вином, подумал: «А что, если сейчас пойти и пригласить её сюда? Конечно, это будет вызывающе: парикмахерша в таком обществе – но какое мне дело до всех?»

Она брила какого-то толстяка; маленькая, худая, в белом халате, крутилась вокруг огромного мужчины и снимала бритвой мыльную пену.

Я поманил её, она кивнула, положила лезвие на стол и выглянула.

– Что вы делаете после работы? – спросил я.

Она пожала плечами:

– Ничего.

– Может, пойдём к моему приятелю? У него день рождения.

– Я только через полчаса смогу, когда закончу работу.

– Я подожду.

Без халата она оказалась еще более худой – совсем девчонка. Простое платье, стоптанные босоножки, запах откровенно дешёвых духов. Она поправила причёску и улыбнулась:

– Я готова.

Когда мы вошли к Гошке, все опешили и уставились на парикмахершу с отвращением, а она растерянно остановилась в дверях, и её глаза заметались. Кто-то прыснул, девица в платье «под старину» разразилась хохотом, Гошкина мать чуть не упала в обморок.

Но ещё больше обалдела парикмахерша. Она думала, я приведу её в комнату, где бутерброды с колбасой и в углу обнимается мой друг с какой-нибудь подружкой, и вдруг... хрусталь и фрукты, и все говорят на каком-то птичьем языке. Парикмахерша села на диван рядом со мной, натянула подол платья на колени, опустила голову и затихла. Я навалил ей целую тарелку еды и подтолкнул:

– Ешьте, вы же с работы! И будьте как дома.

Мне на всё было наплевать: я знал, что теперь двери в этот дом для меня закрыты, а раз так, вёл себя легко и свободно.

К нам подсел Гошка, подмигнул:

– Не обращайтесь ни на кого внимания.

Парикмахерша пригубила лимонад, а к еде даже не притронулась.

Скоро Гошкина мать пришла в себя, обо мне и моей спутнице все позабыли, и празднество продолжалось. За стол плюхнулись двое парней и начали болтать о последнем нашумевшем фильме. Парикмахерша ущипнула меня под столом и пробормотала, не поднимая глаз:

– Давайте уйдем.

«В самом деле, что мы здесь высиживаем, отбываем светскую повинность?» – подумал я и, улучив момент для почётного отступления, кивнул парикмахерше на дверь.

На улице стояла теплынь. Небо было безоблачным и ещё светлым, мерцали всего две-три звезды.

– Здорово, что мы оттуда удрали, – сказал я, закуривая.

– Ага! – с глубоким вздохом откликнулась моя подружка.

– Знаете, что я вспомнил? – оживился я, действительно вспомнив нечто замечательное. – Сколько сейчас времени? Около девяти? В девять тридцать от пристани отходит теплоход до водохранилища и обратно. Прокатимся?

– Мне всё равно. Я завтра выходная.

В автобусе она запросто взяла меня под руку и с потеплевшим взглядом сказала:

– Давай на «ты».

Она повеселела, даже потихоньку напела танцевальный мотивчик. Раскрыла сумку, начала в ней копаться – я заметил пудреницу, стеклянные бусы.

– А у нас сегодня на работе устроили конкурс, – сообщила она. – Конкурс красоты. Во время обеда. Ох и готовились мы! Крутили прически, а конкурс сделали на музыку и фильмы... Победила Людка. Она у нас идейная... Людка недавно вышла замуж. Они познакомились на танцах и влюбились с первого взгляда. Даже не верится, что такое бывает. Он хороший парень. Студент... Денег у них почти нет, но ведь деньги не главное, правда? – она посмотрела на меня без всякого притворства. – Мне после курсов предложили работать в люксе, но потребовали взятку. Я отказалась... Противно это, – она неподдельно скривила губы. – Конечно, в люксе зарабатывают много, но мне здесь больше нравится. Тихо, спокойно, и коллектив у нас хороший...

– А почему ты работаешь в мужском зале, а не в женском? – вскользь осведомился я, думая, как бы не опоздать на теплоход.

– А там намучаешься. Попадется привередливая клиентка: то не так, это не так. Да ещё жалобу напишет... У нас тихо, спокойно...

Мне было хорошо с ней, по-настоящему хорошо. Я слушал её неприятную болтовню и думал: «Чихал я на то, что она не разбирается в искусстве, зато в ней неподдельность, бесхитростная чистота. А эти Гошкины эстетки просто пустозвонки. У них столько требований. Они вначале узнают, что ты собой представляешь, а уж потом решают, встречаться с тобой или нет. Сплошной расчёт».

Мы купили билеты, вбежали на подрагивающую палубу отходящего теплохода и, прижавшись друг к другу, смотрели, как за бортом бурлила и пенилась вода, как между бортом и причалом увеличивался просвет, а к берегу катились волны. На палубе стояли две-три парочки, из репродуктора слышался вальс, но танцплощадка пустовала.

Теплоход каждый вечер ходил к водохранилищу, там делал недолгую стоянку и в полночь возвращался обратно. Лучшего пристанища, плавучей гостиницы для бездомных влюблённых, и не придумаешь!

Город покрывался дымкой, мы стояли на палубе, я курил, а моя подружка рассказывала о своей работе, о загородной станции Перловская, о матери-проводнице, о младшем брате. Я слушал и улыбался:

мне всё больше нравился её голос, заторможенные движения, какая-то красивая меланхолия. Я даже подумал, что это романтическое приключение следовало устроить гораздо раньше.

У причала «Водохранилище» мы сошли на берег, и я предложил вернуться в город утренней электричкой, благо стояла теплая погода, а до станции было всего ничего. Она послушно кивнула.

Когда теплоход ушёл, мы оказались совсем одни в огромном ночном пространстве; нас окружала густая темнота, только на противоположном берегу виднелись верхушки деревьев и расплывчатые фонари. Мы выбрали бухту, где на песке росли огромные листья заячьей капусты. Вначале искупались, потом отошли к зарослям бузины, насобирали сушняк и запалили костер, вспугнув рой каких-то птах. При свете костра я сделал из веток что-то вроде шалаша, нарвал «капусты», постелил на нее пиджак, и мы забрались в нашу обитель.

...Ночью раза два я подбрасывал в костёр сучья. Она спала крепко и во сне улыбалась. Я смотрел на неё, и мне было хорошо как никогда, оттого что рядом спала эта доверчивая девчушка. «Она так откровенна, – рассуждал я, – без всякой наигранности. Живёт одним сердцем. И пусть у неё примитивные желания, зато самые истинные и чистые». Только сейчас я заметил родинку на её правой щеке, почти пепельные волосы и красивые руки – все признаки того, чего родственники советовали остерегаться.

...Мы проснулись одновременно, от холода. Над потухшим костром струилась спираль дыма, тени уже становились прозрачными, вот-вот должно было взойти солнце. Поёживаясь, она растерянно заморгала.

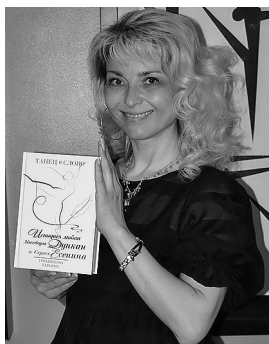
– Я вся дрожу, погрей меня, – она прижалась ко мне всем телом; за ночь она ещё больше похудела.

Я снова разжёг костер, и, согревшись, мы снова задремали.

Когда я проснулся во второй раз, уже всюю светило жгучее солнце. Моей подружки в шалаше не было – лежала только её сумка и... несколько мокрых от росы ягод земляники. Внезапно я услышал плеск и увидел её – она шла по мелководью в струящемся свете.

– Вставай, соня! – крикнула она издали. – Знаешь, что мне приснилось? Как будто мы с тобой давно-давно знаем друг друга и живем на необитаемом острове.

Я засмеялся: мне снилось то же самое. Вскочив, я с удовольствием потянулся, вдохнул гигантскую порцию воздуха и, глядя на чаек, круживших над нами, пожалел, что не могу облететь всё водохранилище.

ТАТЬЯНА ТРУБНИКОВА

КАШТАНЫ

Евгения Егоровна была совсем старенькой, сухенькой, с мутными глазами и лицом, изборождённым годами и ветрами жизни. В любую погоду, даже летом, ходила вдоль дома или стояла у подъезда, укутанная, будто в кокон, во множество одежек. Она казалась такой ветхой, что, если б предательский ветер забрался внутрь её одежд, он не нашёл бы там ничего, за что можно зацепиться... Наверное, есть такое время в глубокой старости. Человек постепенно теряет материальную оболочку. Остаётся один дух, смотрящий на мир и людей из-под морщинистых век. Люди умирают от скуки. Просто им нечем жить. Не о чем. Не с чем. Не для кого. Такое часто случается, если люди живут будничной, физической жизнью. Их дух не развит, они не дерзают, сила и безудержность авантюры им не знакомы. Им скучно. Поэтому они уходят. Это не относится к людям, вырванным из жизни болезнью или каким-либо несчастным случаем. Это о тех, кто прожил всё, что можно прожить на этой

Татьяна Юрьевна Трубникова — кинодраматург, член Союза писателей России.

Издан сборник рассказов «Знаки перемен».

Роман Татьяны Трубниковой «Танец и Слово» о любви Айседоры Дункан и Сергея Есенина удостоен литературной премии им. М. Пришвина и заслужил множество положительных отзывов критиков и читателей. Переиздан издательством «РИПОЛ-классик».

Интервью с писателем были опубликованы Издательством «Подмосковье», журналом «Горизонты культуры» и другими изданиями.

земле. Кто видел всё и устал. Конечно, устать можно и в тридцать, и в двадцать. Недаром Сергей Есенин писал: «Неужель под душой так же падаешь, как под ношей? Дорогие мои... дорогие... хорошии...». Да, такое случается с теми, кто рождён старым. Будто древняя душа, видевшая мир не раз и не два, и не три. Она всё знает наперед. Ей просто надо всё успеть сказать. Такими были Сергей Александрович Есенин, Александр Сергеевич Пушкин, Михаил Юрьевич Лермонтов, Рембо, многие гении.

Вроде была Евгения Егоровна обычной старушкой. Своими подёрнутыми белой дымкой голубыми глазами она видела прекрасно. Как вблизи, так и издали. Здравовалась со всеми соседями. Давно заприметила стремительную, всегда будто летящую над асфальтом, над ступенями подъезда, над дорожкой двора молодую женщину. Сколько той было лет? Евгения Егоровна не слишком задумывалась. Молодая – и всё. Быстрая, как лань. Охотно кивала на её «Здравствуйте!».

Молодая женщина сначала даже вздрагивала, когда в ответ слышала бойкое, ребячливое «Привет!». Много позже она поняла, что просто старушка такая: ребёнок. Добрый ребёнок. Ей восемьдесят семь, но она не старше двенадцати. Когда догадалась об этом, всё встало на свои места. Или это свойство очень глубокой старости? Когда человек проходит все искушения, все страсти, все обиды. И всё это сбрасывает с себя, как ненужные, вычурные одежды, которые к лицу только молодости. А ей, зачем они ей сейчас? Пустая игра. Суета мира. Все лишнее – выкинуть из сердца! Чтобы снова стать ребёнком, снова любить только солнце и всё вокруг, любить безусловной беспредметной любовью, как умеют только дети. Простая шапка, поверх – платок, длинное пальто с истёртым воротником, вязанные кофты для тепла, и только. Наверное, она грустила, что не может прыгать, как дети, резвиться во дворе, играть в снежки. Что приходится стоять неподвижным коконом, с запертой, еще спящей, но готовой вот-вот улететь бабочкой-душой.

Была весна, взорвавшаяся первой робкой новорождённой зеленью на ветках. Заласканный маем воздух вливал внутрь, прямо в сердце, теплынь. Вдохнуть её всю и взлететь.

Молодая женщина проходила мимо Евгении Егоровны, одетой чуть легче, чем зимой, и услышала: «Таня! Подойди!» Ничуть не удивилась, что старушка знает её имя: эка невидаль, в этом подъезде

она двадцать лет живёт. Всегда гадала: откуда взялась эта старушка? Раньше её никогда не видела. Стоит столбиком возле подъезда: безмолвная, спокойная.

«Понимаешь, мои внуки никак не могут найти подходящий ключ от почтового ящика. Нигде поблизости нет таких болванок. Говорят, на рынке хорошо делают ключи. А мне туда не добраться... Вдруг ты там будешь?» Вздохнула. Голосок у нее был нежный, ничуть не старческий. Она будто оправдывалась, что внуки не могут ей помочь.

Таня кивнула. Конечно-конечно, ей не трудно. Спросила старушку, как ее зовут. «Женя...»

«А по отчеству?»

Смущенно улыбнулась: «Баба Женя».

«Нет, я так не могу...»

Пришлось сознаться, что она Евгения Егоровна.

«У меня только один ключ, понимаешь, Тань?»

Обещала беречь.

На следующий день Таня принесла ей ключи. Старушка сидела на лавке в белых брызгах облетающей вишни. Глаза её были закрыты... Таня подумала, что она спит, как все старые люди: неожиданно, вдруг. Но, едва услышав шорох шагов, Евгения Егоровна взглянула бодро и озорно, будто притворялась спящей. Так делают дети, чтобы чувствовать лучше. Всё допытывалась, сколько ключи стоят.

Таня мотала головой: «Чепуха какая». Вот как она может взять с неё деньги? Ведь правда копейки.

Евгения Егоровна улыбнулась смущённо и светло. Будто помолодела. Смотрела задорно, как на родную, и говорила весёлыми глазами: мы одной крови, из тех, далёких лет, из социализма. Когда просто попросить соседа починить кран и стрельнуть десятку до полочки. Когда можно постучать в соседнюю дверь, если в борщ не хватает луковицы. Когда девочка лет семи в пушистом веере ресниц стоит на пороге с тарелкой спелой клубники из своего сада и спрашивает: «А Таня дома?»

Вдруг старушка сказала:

«Знаешь, у Пушкина: «И с каждой осенью я расцветаю вновь».

А я, Тань, так весну люблю. Всегда вспоминаю наш сад, детство. Сад казался когда-то таким огромным. И каждый клочок знаком. Яблони розами пахнут, вишни – ванилью. Вот сижу сейчас вся в этом белом аромате, глаза закрою – и будто там. Маму вижу... Знаешь, у меня нету мамы...»

Печаль в её голосе была такая, будто она вдруг, сейчас узнала, поняла это. «Если мамы нет, ты сирота. Вот мне много лет, а я всё равно сирота, понимаешь?»

Таня кивнула.

«Мама моя, знаешь, долго жила. Всегда ждала, когда вишни зацветут. Любила очень это короткое время. Говорила: «Как тут умереть и не увидеть?» Так весь год и ждала, до следующего цветения. Она потому и прожила долго. Каждый год ждала снова и снова, только бы сад свой ещё хоть разок таким увидеть, хоть одним глазком. Говорила, что время это небесное».

Осень – время вдохновенной грусти. Дышится легче, пишется, но первый, пока невнятный холод будто насвистывает порывом ветра мелодию будущих разочарований и зимы.

Евгения Егоровна стала ещё призрачнее, бесплотней, ещё тоньше, еще тусклее и прозрачней. Только улыбка прежняя и бесшабашно-детское «Привет!»

Когда молодая женщина пробежала мимо, она снова её остановила. «Таня, я тебя попросить хочу. Сейчас каштаны опадают. Найди мне штук шесть. Я посажу».

Странная эта просьба вызывала улыбку. Что ж, она обещала найти. Вблизи росли только два каштана, возле школы.

Увы, оказалось, что это любимое детское развлечение после уроков – собирать каштаны. Чем они детям нравятся? Шелковистой гладкостью шоколадной шкурки? Округлой плотностью сжатой внутри этого зародыша дерева жизнью? Ими кидаться хорошо. Можно собрать целый пакет. Валюта!

Таня долго ходила, ковыряя носком ботинка опавшую велико-лепную листву, напоминающую лапы диковинных динозавров.

За этим занятием её застали двое детей лет десяти – мальчик и девочка. Они шли из школы. Мальчик спросил: «Каштаны ищете?» Молодая женщина кивнула. И прежде, чем она успела возразить, рюкзаки детей полетели в пыль, а мальчик ловко и быстро, видно, что привычно, полез на дерево. Думаете, он остановился на первой толстой ветке? Куда там! Полез высоко. На мольбы слезть немедленно никак не реагировал, улыбался только. Долго тряс ветки. Каштаны сыпались. Девочка скорёхонько и аккуратно собирала их в пакет. Пока никто не «помог» с этим делом, быстрее, быстрее.

Таня, глядя на мальчика, покрылась холодным потом от страха. Сердце было где-то в горле. На уговоры он только приговаривал: «Счас. Счас!»

Когда он сполз вниз по стволу, она выдохнула. Грязный, весь в крошках коры и страшно счастливый.

Девочка протянула ей целый пакет колючих шариков. Молодая женщина спохватилась, что нечем отблагодарить детей за их работу.

К счастью, в сумке оказалась парочка только что испечённых в местной пекарне нежнейших булок. Дети с радостью ухватили их. И сразу, одновременно, отправили сдобу в рот. Вспомнила себя, какой голодной приходила из школы.

Евгения Егоровна ждала у подъезда. Просияла счастливо и совершенно по-детски, как только что – храбрый мальчишка.

В ноябре осень хмурила тучные брови. Когда Таня шла мимо, Евгения Егоровна вдруг обронила: «А каштаны я посадила. Как думаешь, когда они вырастут?»

Забавный вопрос. Не в ноябре же! Улыбнулась. «Думаю, весной должны прорасти».

Противной, шкодливой вьюжкой сыпал колючий снег. Старушка, совершенно круглая в наверхенной на ней одежде, гуляла от одного подъезда до другого.

Таня смотрела на неё в окно. Снег не чищен, как она ходит? Потом не видела её долго-долго. Уж и солнце выше, и дни дольше. Нет нигде старушки. Скоро весна расправит небесные крылья разорвавшимися лазоревыми облаками. Распахнёт навстречу руки ветрами ласковых объятий, ароматом дворовой вишни. Где же Евгения Егоровна? Добрый ребёнок.

Только когда увидела пустую лавку с облупившейся после зимы краской и точно такие же белые брызги вишни над ней, как ровно год назад, она всё поняла.

Для чего бабе Жене нужно было посадить каштаны.

3

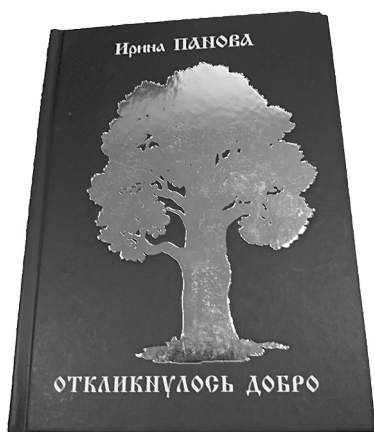

КНИЖНАЯ
ПОЛКА

рецензии

Откликнулось добро. Сборник Литературного объединения «Складень». Составитель – И.Г. Панова. – М.: Готика, 2017. – 144 с.

Восвояси

Как много уместилось в небольшую книгу с Златым Древом на обложке! Литобъединению «Складень» при Международном фонде славянской письменности и культуры более четверти века, и всё это время его бессменным руководителем является Ирина Георгиевна Панова. С какой кипучей, деятельной натурой знакомишься, перелистывая страницы этой книги, и как хорошо становится на душе оттого, что этот человек здесь и сейчас с нами! Человек светлой и доброй души. Человек неукротимой энергии и великой самоотдачи. Человек-созидатель. Автор многочисленных поэтических сборников, книг и статей по истории и теории литературы. Поэт. Прозаик. Переводчик. Литературовед. Просветитель. Журналист. Создатель альманаха «Складень», редактор всех 32 его выпусков, готовящий нынче следующий, 33-й номер.

В этой книге есть раздел посвящений, которые полны благодарности к руководителю литобъединения за исключительный педагогический, просветительский, организационный талант:

Когда с небес спускаются поэты,
То кто-то на земле услышит это...
(Алексей Сергеев)

С поэзией сродниться навсегда
 И вместе с ней дышать, творить, влюбляться.
 В кого же? В Пушкина, Рубцова? Да!
 И нас учить стихам их удивляться.
 (Алла Свиридова)

Хранительница русской старины,
 Истоков древней православной славы,
 Ты ратуешь за честь своей страны,
 За память о величии державы.
 (Нина Качур)

Здесь и стихи, посвящённые литобъединению и той атмосфере, которая царит на занятиях:

Мы срочные дела отложим на день,
 Простим друг другу давние грехи.
 Сегодня мы идём с тобою в «Складень»
 Читать и слушать новые стихи.
 (Из Гимна «Складню», авторы – Б. Картузов
 и В. Аллилуев, музыка В. Аллилуева)

«Мастер русского звонкого слова», в разделе «Новые стихи» Ирина Панова представила стихи, посвящённые песне Лебедева-Кумача «Священная война»:

Это не песня даже,
 А что-то родное, личное.
 И пусть из телека катятся
 «Муси-пуси» обычные...
 ...Вновь песня плывёт волною.
 Полков бессмертные лица.
 Огромная Русь за спиною,
 И я той Руси частица.

В стихотворении «Как погиб политрук (Памяти младшего политрука Алексея Ерёмченко)» поэтесса увековечивает того героя, облик которого запечатлён на одном из самых известных плакатов Великой

Отечественной, а в постскриптуме приводит данные: «36 лет, 220-й Стрелковый полк 4-й Стрелковой дивизии»:

Как упал политрук –
Не увидел никто.
Весть о смерти его
По цепи донесло.
Пусть он будет для всех,
Как на снимке, живой!
Пусть за правду, за жизнь
Нас ведёт за собой!

Об истории своего поколения Ирина Панова знает не понаслышке: вместе с ним переживала все испытания, не искала лёгких путей. Вот почему полемически, горячо, как отповедь, звучит её стихотворение «Ватник»:

В священной войне, в сече той всенародной
И ватник был в роли своей благородной.
Тот старенький ватник, что батя носил,
Ему помогал, вместе с ним трудно жил.
А ты на земле появился, сынок,
Раз батя в сражениях выстоять смог...

Горечь (и гордость!) за наших современных солдат звучат в стихотворении «Шестая рота», где героические события передаются с точностью до минуты. Здесь перед нами поэт, журналист, публицист слились воедино, и хроника двух дней неравного боя десантников с чеченскими боевиками в конце февраля 2000 года предстаёт величественным памятником их подвигу:

1 марта, 6.50:
«...За нами – наша Родина, наш Псков
И битвы – за Москву, за Курск, за Ельню...
Где рация?.. Комбат, арtpолк готов?
Семь-семь-шесть-ноль... Давай прицельно...»
Собрать все силы, броситься вперёд –
На смертный бой, последний, рукопашный!

...Гвардейцы пали. Возвеличь, народ,
Шестую роту, путь её отважный.

Раздел «Новая проза» включил разножанровый материал: фрагменты воспоминаний, размышлений о дне насущном, лирические миниатюры, исследования, рассказ о потерянной и вновь найденной дворняжке, а на самом деле – о трех исконных русских характерах. Это всё проза, но как она поэтична! Как интересно перечитывать лермонтовский шедевр «Выхожу один я на дорогу...» в присутствии исследователя и знатока, дающего точные и лаконичные комментарии! Такова статья «Наедине с мирозданием (Опыт исследования одного стихотворения)». А вот другая статья – «Мартынов, убийца Лермонтова», из которой мы узнаём, что «жизнь его сложилась куда как славно: богатство, удачная женитьба на молодой красивой девушке Проскуровой, родившей ему 11 детей, спокойная смерть в 60 лет (пережил Лермонтова на 34 года!)», и разделяем с автором брезгливую иронию, с которой он перечисляет факты «удачной», но бесславной жизни лермонтовского противника...

А завершает книгу эссе «Снова чудо» – панегирик русской зиме и... стойкости жизни, вечности красоты и теплоты Родины: «Низкое солнце – туманный круг светлее неба – зацепилось за верхушку ели, покачалось на ней, покружилось и уплыло восвояси. А ощущение красоты природы, её сказочности осталось...»

Восвояси, на круги своя, на наш путь в будущее, а не назад, в прошлое, возвращает нас эта книга – такая многоплановая, такая строгая, такая родная.

Татьяна Сергеева

МИХАИЛ ЧЕРДЫНЦЕВ. КОГДА ВОЗНИКАЕТ ОДИНОКОЕ ДРЕВО ЖЕЛАНИЯ:
КНИГА СМС-ЭЛЕГИЙ. СТИХОТВОРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ СОКРОВЕННЫХ
ЗНАНИЙ В ПРОСТРАНСТВЕ КОРОТКИХ СООБЩЕНИЙ ОБРАЗНОГО РУССКОГО
МАЛОСЛОВИЯ. – М.: ИПО «У НИКИТСКИХ ВОРОТ», 2018. – 122 с.

По тексту лет в условиях бытия

Современность и вечность. XXI век и непреходящее величие высокого. Эти две темы противопоставят друг другу и переплетаются в этой необычной книге. Необычной уже по формату – альбомному, располагающему к неспешному разглядыванию, созерцанию, возвращению,

воспоминаниям – всему тому, что мы привыкли связывать с понятием «альбом».

Необычна эта книга и по стихам, её составляющим, жанровая принадлежность их странна и, кажется, противоположна стихии поэзии: стихотворения-эсэмэски? Но ведь эсэмэски по своей природе замкнуты на краткую сухость информативных сообщений, их эмоциональный фон примитивизирован, интонации укладываются в набор смайликов.

Необычность книги и в поэтической инструментари: какие могут быть в эсэмэсках инверсии, как там могут жить длинные строки гекзаметров, как могут сочетаться такие свойственные современной речи словечки, как «вроде», «кстати», «репосты» – с «вечностью», «чувствами», «криком забытых птиц»?..

Михаил Чердынцев убеждает читателя, что мир миражей, спешки, переменчивых ценностей соседствует с пространством более прочным и насущным для человека,

*Где крик забытых птиц напомнит, но спасёт
 Переживания, отпущенные вроде.
 Но, к стати, здравый смысл проверенным путём
 Удерживает грань спасительных свиданий.
 А то, что мы с тобой в ответ приобретём,
 Не стоит наших слёз и поздних оправданий.*

Да, это пространство любви. Оно сталкивается с суровой современностью и... прорастает через неё, обтекает её и – вот странность! – лучшее в ней возносит в ранг вечного.

Смотрите, как живёт стихотворение, преодолевая сухость современного мировосприятия: «центр столицы», «регулярный парк», «редкий сюжет»... Таково начало:

*В самом центре столицы, в глубине регулярного парка
 Что ты делаешь с нами, моя непокорная Парка?
 Под сияньем жасмина здесь совершается редкий сюжет:
 С изумительной статикой серых изделий Каррары
 Соревнуются все приглашённые временем пары...*

А вот вторая часть. Место то же самое, а время... сменяет вечность – здесь творил «гений, бессмертный от чувств», и меняется интонация и образный строй:

*В сердце старой Москвы... В середине забытого парка
 Что ты вяжешь для жизни мне, поднаторевшая Парка?
 Здесь в блистаньях жасмина происходит библейский сюжет:
 Перед вечною статикой прошлых изделий Каррары
 Соревнуются все освящённые временем пары
 За возможность однажды исполнить живого Завет.*

Эта книга-альбом, книга-воспоминание, книга-летопись любви напоминает сонеты Данте и Петрарки: шаг за шагом мы следуем в пространстве двоих, но теперь – в их уединении среди многолюдия мегаполиса, в их потаённой СМС-переписке – «невидимых встречах». Вот «СМС-51» (всего их в книге 97 плюс еще «Потерянные СМС-элегии»):

*Никому не отдам процветающий мир
 Этих с тайной невидимых встреч!*

*Впрочем, вспомни, он к нам прилетает на миг,
Чтобы чувства навеки сберечь.*

Антитеза мига и вечности, преходящего и незыблемого заставляет стремиться «опасность избежать и чудо сохранить», сообщает напряжённость сюжету: «Так часто хаос дней заносит нам дороги, здесь царствует туман и телефонов речь...» В этом мире, где всё главное происходит не в жизни, а на экране или напоказ, вдруг сможет прилететь таинственная и стремительная, как голубь, «СМС-11»:

*Только ты для отчёта, переменую в чувствах звеня,
Шлешь в ответ предложенья с расчётом,
Увы, на меня,
Без учёта возможностей, с прочным желанием чуда.*

Вот именно «с прочным желанием чуда» мы и встречаемся на страницах этой непохожей ни на какие другие сборники стихов поэтической книги, где сталкиваются в борьбе реалии современной жизни, где «почти ничего не растёт и не может родиться», и мир, где двое эсэмэски пишут «друг другу с чувством выпавших страстей», «чтобы чувства навеки сберечь».

Татьяна Сунгурова

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

Юлия Александрова.....	7
Галина Белякова.....	10
Елена Василькова.....	14
Юрий Генч.....	17
Юлия Гиацинтова.....	18
Григорий Журавлёв.....	20
Наталья Иванова.....	25
Алексей Клоков.....	30
Мария Махонина.....	31
Владимир Морозов.....	37
Илья Муромский.....	40
Мария Парамонова.....	43
Ольга Псковитянка.....	46
Хизир Тахтамышев.....	47
Иван Тимченко.....	49
Лидия Фахретдинова.....	52
Лев Чистяков.....	53
Людмила Шаменкова.....	56
Устинья Шепель.....	60
Татьяна Шеханова.....	62

Проза

Игорь Варламов.....	67
Ваграм Кеворков.....	75
Галина Романова.....	95
Леонид Сергеев.....	102
Татьяна Трубникова.....	112

Книжная полка. Рецензии

Татьяна Сергеева. Восвояси	118
Татьяна Сунгурова. По тексту лет в условиях бытия	122

галерея

Юлия Александрова

Александрова Юлия Геннадиевна – преподаватель английского языка, доцент Всероссийской академии внешней торговли. Поэт, прозаик, член МГО СПР с 2009 года. Печатается в газете «Московский литератор», журнале «Великороссь». Автор шести сборников лирических стихотворений и трёх сборников городских рассказов.

Наталья Иванова

Наталья Иванова – композитор, автор-исполнитель, поэт, художник и профессиональный психолог. Член Союза концертных деятелей, член Союза писателей Санкт-Петербурга. Наталья Иванова выпустила десять музыкальных альбомов своих песен в авторском исполнении. Мы знаем и любим такие её песни как – «Давай соберёмся», «Опять на дачу», «Я так хочу в твои объятия», «Добрые люди», «Молитва мамы», «Церквушка русская моя», «Мой ангел» и многие другие.

Ирина Лезина

Лезина Ирина – коренная москвичка, после окончания МФТИ работала в НИИ Академии Наук России, 4 месяца стажировалась в Италии (Салерно, Неаполь). Во время этой стажировки всерьёз увлеклась фотографией и по возвращении в Москву окончила курс фотографии у Виктора Резникова в Учебном центре «Сивма» при Фотоцентре на Гоголевском бульваре.

Ирина – участник многих выставок и международных фестивалей. Театр Армена Джигарханяна на год предоставил своё фойе для проведения её персональной выставки.

В настоящее время Ирина работает над фотокартинами в своём стиле, который она называет «фотографика».

Татьяна Трубникова

Татьяна Юрьевна Трубникова – кинодраматург, член Союза писателей России.

Издан сборник рассказов «Знаки перемен».

Роман Татьяны Трубниковой «Танец и Слово» о любви Айседоры Дункан и Сергея Есенина удостоен литературной премии им. М. Пришвина и заслужил множество положительных отзывов критиков и читателей. Переиздан издательством «РИПОЛ-классик».

Интервью с писателем были опубликованы Издательством «Подмосковье», журналом «Горизонты культуры» и другими изданиями.